

КОРОЛЕВСКАЯ ЭЛИТА #7

КОРОЛЕВСКАЯ

ЭЛИТА

ЭПИЛОГ

<https://vk.com/neviofal>

РИНА КЕНТ

Королевская Элита Эпилог - Рина Кент

Книга: Королевская Элита Эпилог

Автор: Рина Кент

Серия: Королевская Элита #7

Перевод группы: <https://vk.com/neviofal>

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Не использовать русифицированные обложки книг в таких социальных сетях, как: Тик Ток, Инстаграм, Твиттер, Фейсбук. Спасибо.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

К свету после темноты.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Привет, дорогой друг!

«Королевская Элита Эпилог» знаменует собой окончание серии «Королевская Элита». Эти книги и эти пары стали для меня таким опытом, который я не забуду до конца своей жизни. Надеюсь, тебе понравится расширенный эпилог и возможность заглянуть в их будущее.

Пожалуйста прочти до самого конца. Ты же не хочешь пропустить несколько сюрпризов.

«Королевская Элита Эпилог» разворачивается после окончания всех остальных книг и не может быть прочитана отдельно. Для начала ты должен ознакомиться с предыдущими книгами серии.

АННОТАЦИЯ

Одна финальная игра.

Все пять пар серии Королевская Элита вновь оживают в этом длинном и расширенном эпилоге.

Леви & Астрид.

Эйден & Эльза.

Ксандер & Кимберли.

Ронан & Тил.

Коул & Сильвер.

Данный эпилог разворачивается после окончания серии Королевская Элита, поэтому все предыдущие книги обязательны к прочтению.

КОРОЛЕВСКАЯ ЭЛИТНАЯ
ШКОЛА

1

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

— Это не смешно.

Мое сердце почти выпрыгивает из груди, хотя я стараюсь, чтобы мой голос звучал беззаботно.

Шум дождя разносится по всему особняку Кингов, заливая фонтан посреди сада и деревья вдалеке.

Я должна была догадаться, что он замышляет что-то неладное.

Леви всегда замышляет что-то недоброе.

— Леви? — окликаю я неуверенным голосом, когда мои шаги замедляются возле крытого коридора.

Я оглядываюсь по сторонам, ожидая одной из его отвратительных шуток, когда он набрасывается на меня сзади.

Я, вероятно, никогда не признаюсь ему в этом, но я люблю эту его часть больше всего. С ним никогда не бывает скучно.

Он делает мои дни незабываемыми, а ночи захватывающими, как катание на американских горках.

Вчера он увидел, как я обедала с несколькими моими друзьями по колледжу, которые каким-то образом оказались парнями. Леви решил быть мудаком и целовать меня на глазах у всех, пока мне не придется извиниться и уйти.

Я все еще ощущаю боль от того, как он крепко и быстро прижал меня к двери, как только мы вошли в его квартиру.

Это его способ наказания. Игра, в которую он играет с моим телом, которую я никогда не хочу заканчивать.

Как только мы закончили школу, Леви решил жить самостоятельно. Он все еще не прикоснулся к своему трастовому фонду и живет своей

переполненной карьерой в Арсенале. Меня поражает, как он может одновременно играть и учиться. Я чувствую себя такой подавленной только из-за занятий искусством.

На бумаге я все еще живу с папой, но на самом деле я чаще всего ночую в квартире Леви.

Теперь мы практически живем вместе.

— Ты долго собираешься быть мелочным? — спрашиваю я, потирая руки.

Холод охватывает мои голые конечности, и это не из-за холода. Какая-то часть меня кипит, зудит и почти выпрыгивает из кожи из-за того, что он планирует сделать.

Леви, может, и вырос, но он все тот же непредсказуемый придурок, желающий перевернуть мой мир с ног на голову.

Разница лишь в том, что мне это нравится. Нет, я жажду этого. Иногда мне кажется, что его безумие отражает мое.

И когда я просыпаюсь утром с его лицом рядом, я безмолвно молюсь, чтобы всегда просыпаться с ним.

Он может перевернуть мой мир, но он также единственный, кто способен уравновесить его. Он моя скала и мой якорь. У него имеются некоторые проблемы с собственничеством и контролем, но это часть того, кто такой Леви Кинг.

На самом деле, познакомившись с его дядей и двоюродным братом, я могу сказать, что Леви самый безопасный среди них — шок, я знаю.

В крови их семьи что-то не так.

Они все извращены по-своему, и не извиняются за это.

Позади меня раздается звук. Я останавливаюсь перед порогом и смотрю в сторону, мое дыхание прерывается.

— Леви?

Ничего.

Я жду несколько долгих секунд, а затем выдыхаю.

Я возвращаюсь в дом и к черту игры Леви. Что-то врезается в меня сзади. Я вскрикиваю, узнав его тепло и безошибочно узнаваемый запах.

— Что я говорил об усыплении твоей бдительности, принцесса? — он шепчет мне в ухо, прежде чем прикусить мочку. — Вот тогда я всегда буду наносить удар.

— Ты ужасен.

Я пытаюсь контролировать свое сердцебиение.

— Ты все еще любишь меня за это..

— Возможно, нет. — я усмехаюсь. — Быть может, я влюбилась в кого-то еще из моего класса.

— Ты действительно хочешь, чтобы на твоей руке оказалась кровь всех твоих одноклассников?

Я задыхаюсь в притворной реакции.

— Ты бы не стал.

— Ох, я бы с удовольствием стал.

Ага. Он достаточно безумен, чтобы сделать это.

Прежде чем я успеваю что-то сказать, он поднимает меня на руки. Я задыхаюсь, когда он выбегает прямо под дождь. Я визжу от чистого возбуждения, когда вода пропитывает нас.

Его губы прижимаются к моим в поцелуе, пока я не задышу только им. Это отчаяние лишает меня рассудка.

Он все еще поглощает каждый сантиметр меня одним прикосновением.

Ощущение того, что ты с ним под дождем, никогда не надоедает. Это одно из моих любимых занятий.

Вместо того, чтобы закружить меня в своих объятиях, он ставит меня на ноги и отступает назад.

Прежде чем я успеваю понять, что происходит, он встает на колени и достает кольцо с огромным бриллиантом сверху.

— Ты придала моей жизни смысл, и я хочу провести с тобой каждое мгновение, — он смотрит на меня, его влажные светлые волосы прилипли к

виску, а бледно-голубые глаза сияют интенсивностью. — Ты выйдешь за меня замуж, принцесса?

— Да! Миллион раз да, Леви!

Я поднимаю его на ноги и прижимаюсь губами к его губам, когда он надевает кольцо мне на палец.

— Я добровольно вызываюсь быть шафером! — кричит позади нас голос Ронана.

Мы с Леви перестаем целоваться, но он все еще держит меня под дождем.

Четыре всадника — нынешняя передовая линия Элиты — приветствуют друг друга с большим количеством язвительных замечаний.

На самом деле, только Дэн, Ксандер, Ронан и Коул приветствуют. Эйден прислоняется к стене, скрестив лодыжки, и со скучающим выражением на лице просматривает свой телефон.

В прошлом году я думала, что Эйден может быть слегка психопатом, но теперь я почти уверена, что у него клиническое антисоциальное расстройство.

Ничто не имеет для него никакой ценности.

Единственный раз, когда я вижу, как он теряет скучающее выражение, это когда он рядом с некой Ледяной Принцессой.

— Ох. Дерьмо, — удивленно восклицает Дэн. — Это делает меня подружкой невесты?

Я смеюсь беззаботно и счастливо.

— Конечно, Дэн.

Папа выходит из парадной двери с гордой улыбкой на лице. Джонатан стоит рядом с ним, переводя взгляд с сына на племянника.

Иногда мне кажется, что он хочет, чтобы Эйден был больше похож на Леви. В другое время все кажется с точностью до наоборот.

Я бы не назвала папу и Джонатана друзьями, но они достаточно терпимы друг к другу, чтобы посещать дома друг друга, когда мы их приглашаем.

— Я счастлива, — шепчу я Леви. — Спасибо тебе за то, что ты существуешь, мой король.

Он улыбается.

— Спасибо тебе за то, что ты моя, принцесса.

А потом он снова целует меня.

Эйден*18 лет*

Отрицательная энергия гудит под поверхностью. Она растёт и парит с каждой секундой. Громкая музыка и не трезвые люди у Астора не помогают.

Найт протягивает мне косяк, но я качаю головой.

К черту это дерьмо.

Я взбешен.

И я точно знаю причину моей злости.

Сегодня вечером прошла полуфинальная игра, и Эльза пришла посмотреть и осталась на весь матч. Да, она наконец-то пришла на одну из моих игр. На этот раз ради меня, а не ради какого-то ублюдка.

В довершение всего на ней была моя майка. Номер одиннадцать, Кинг. Мне пришлось сдержаться, чтобы не подняться, не снять эту майку и не трахнуть ее на месте.

Все присутствующие раздражающие люди положили конец моей фантазии.

Вместо этого я выложил на все сто во время игры. Я мог бы забить два гола, чтобы увидеть эту искорку в ее голубых глазах.

В отличие от общепринятого мнения, я даритель.

Я просто беру больше, чем даю. А теперь вернемся к сегодняшней актуальной проблеме. Мы с Эльзой должны были поехать в The Meet Up, где я мог бы поклоняться ее телу всю ночь напролёт.

У меня были планы, которые начинались с ее стонов и заканчивались выкриками моего имени.

Видите? Даритель.

В последнюю минуту Эльза решила, что хочет прийти на гребаную вечеринку Астора. Я сказал ему отменить ее, но придурок исчез куда-то, чтобы выпить и потрахаться — вероятно, в одно и то же время.

Я застрял здесь с сварливым Найтом, который курит больше травки, чем хиппи, и стонет, как разведенный старик, думающий о пенсиях.

Нэш исчез. В последнее время он часто исчезает без предупреждения.

Эльзы нигде не видно.

Я достаю свой телефон и читаю нашу последнюю переписку.

Эльза: *Дождись меня на вечеринке у Ронана.*

Эйден: *Нет.*

Эльза: *Ну же. Сделай это для меня?*

Эйден: *Все еще нет.*

Эльза: *Пожалуйста?*

Эйден: *Я буду трахать тебя до воскресенья в The Meet Up. Ты не можешь передумать.*

Эльза: *Я не передумала. Ты сможешь трахать меня до воскресенья и даже больше, если дождёшься в доме Ронана.*

Это сообщение меня убедило.

Я не должен винить Нэша за то, что он думает своим членом, когда я иногда делаю то же самое.

Ладно, большую часть времени.

Эльза отправила это сообщение больше часа назад, но ее все еще нет.

Ван Дорен стоит посреди зала, танцует и флиртует со всеми девушками, которых он может видеть.

Его сестра готка забилась в угол, почти сливаясь с растением. Если бы у маркиза де Сада и Белоснежки было потомство, это была бы она.

Обычно с ними Эльза. Если ее нет, то остается только один человек.

Я толкаю Найта локтем.

— Где Рид? — задаю я вопрос.

— К черту, если меня это волнует.

— Я не спрашивал, волнует ли тебя, я спросил, где она. — я поднимаю руку. — И даже не притворяйся, что ты все это время не знаешь, где она.

Он бросает на меня один взгляд.

— Даже если бы я знал, я бы тебе не сказал. Как насчет этого, Кинг? Ублюдок.

Я уже собираюсь выдавить из него ответ, когда мой телефон вибрирует.

Эльза: Помнишь нашу комнату у Ронана?

Мне даже не нужно думать о том, какую комнату она имеет в виду. В особняке Астора только одна комната, которая полностью принадлежит нам.

— Эй, Найт?

— Что? — он ворчит со своего места рядом со мной. Он сидит там, как зомби в течение последнего часа. — Знаешь, что Рид сказала о тебе на днях?

Его глаза сверкают в первый раз за сегодняшний вечер. Извини, мудака.

Однако он слишком быстро скрывает свою реакцию.

— Мне все равно.

— Уверен? Это было своего рода табу.

Его кадык подпрыгивает от глотка. Когда он говорит, его голос спокоен.

— Что она сказала?

— Даже если бы я знал, я бы тебе не сказал. Как насчет этого, Найт? — я ухмыляюсь, уходя.

Я чувствую, как он толкает меня, даже не оборачиваясь.

Перепрыгивая через две ступеньки за раз, я оказываюсь на втором этаже. Музыка, доносящаяся снизу, в конце концов затихает.

Мои мышцы напрягаются от обещания найти Эльзу. Я не прикасался к ней со вчерашнего дня, и что-то не так.

Я возвращаюсь к своим мыслям о возможности насытиться Эльзой. Этого не случится. Не в этой жизни.

Мои гребаные друзья говорят мне, что я слишком собственник. Я игнорирую их комментарии в присутствии Эльзы, но вмешиваюсь в их жизнь при любой возможности, за ее спиной.

С тех пор как Эльзу выписали из больницы, она стала другим человеком.

Она более открыто говорит о своей привязанности ко мне. Она более требовательна, когда дело доходит до того, что считает своим правом, но, прежде всего, она такая же, как и я.

Теперь я чувствую это, когда она открывает глаза и улыбается вместо того, чтобы хмуриться. Когда она обнимает меня вместо того, чтобы отстраниться.

Мы по-прежнему живем отдельно, но я планирую изменить это, как только мы поступим в университет.

Испуг, который она устроила в больнице, больше никогда не повторится. Доктор Альберт, ее кардиолог, внимательно наблюдал за ее состоянием. Лекарств пока достаточно, нормализуя ее сердцебиение. Она стабильна и здорова, но он сказал нам внимательно следить за ней на случай, если она снова скроет ухудшение своего состояния.

Забудь о ее тете, дяде и отце. Я стал намного хуже их, когда дело доходит до наблюдения за ней. Я могу сказать, что Эльзе иногда это не нравится, но я ясно дал понять, что больше не буду дурить над ее здоровьем.

Ни за что я не позволю ей подвергаться такой опасности, как в тот раз в подвале.

Как только я подхожу к двери, я толкаю ее.

Прикроватная лампа единственный свет.

Именно здесь я впервые заполучил Эльзу, и впервые раз она обхватила своими губами мой член.

Я прислоняюсь спиной к двери, запирая ее.

— Милая?

— Сюда, — зовет она из ванной. — Одну секунду.

— Потратить все секунды, — кричу я в ответ, снимая пиджак, рубашку, а затем брюки и боксеры.

Если она думает, что мы здесь для веселья, то у нее на уме совсем другое.

Я отворачиваюсь от ванной, кладу одежду на стул, когда маленькие руки обнимают меня сзади. Теперь я знаю, почему она может быть такой тихой, когда двигается. Она приобрела эту привычку десять лет назад, пробираясь в подвал, чтобы встретиться со мной.

— Вау, — выдыхает она мне в спину. — Ты готов.

— Я всегда готов, милая.

Ее губы находят мою спину в целомудренном поцелуе, когда она шепчет:

— Я тоже готова.

Она одета, так что не может быть голой.

Мы можем это исправить.

Я оборачиваюсь и замираю.

Эльза стоит передо мной, ее волосы распущены. На ней майка Элиты с номером одиннадцать и моей фамилией на ней.

Судя по видимым вершинам ее сосков, под ней явно ничего нет. Майка едва прикрывает ее киску. Ее длинные, спортивные ноги полностью обнажены, когда она ерзает.

— Что думаешь? — осторожно спрашивает она. — Тебе нравится?

— Нравится? — я рычу, бросаясь на нее, как пещерный человек.

Она визжит, когда я поднимаю ее и кидаю на кровать. Ее руки обвиваются вокруг моей шеи, а ноги вокруг талии.

Губы находят ее в диком поцелуе, долгим и отчаянным. Я изголодался по ее вкусу.

— Ты знаешь, как сильно заставила меня ждать, милая?

— Это того стоило? — выдыхает она мне в рот, ее грудь поднимается и опускается в быстром ритме.

— Черт, да, но ты загладишь свою вину. — я провожу языком по раковине уха. — Мне обещали, что я смогу трахать тебя до воскресенья.

Она смеется, похоть ярко светится в ее глазах.

— А если я скажу «нет»?

— Я буду трахать тебя до понедельника.

В ее голубых глазах появляется вызов. Это наша игра, то, что мы делаем, когда Эльза хочет, чтобы я был груб и безжалостен к ней.

— А если я снова скажу «нет»? — ее голос едва слышен.

— Мы можем продолжать до вторника.

Она протягивает руку между нами и проводит пальцем по члену. Я твёрдый почти с тех пор, как она обняла меня. От ее прикосновения мой член мгновенно оживает.

Чертов предатель, зависимый от таблеток под названием Эльза-Виагра. Она единственная, кто способен вернуть его к жизни.

— Черт, милая. Если ты не задвигаешь рукой...

— Что? — бросает она вызов.

— Я свяжу тебя, — мрачно шепчу я ей на ухо и чувствую, как она резко втягивает воздух.

Мы не часто делаем это, но всякий раз, прибегая к этому, Эльза полностью раскрепощается. Мое маленькое Холодное Сердце получает удовольствие от того, что я забираю ее волю во время секса. Она медленно признает этот факт перед самой собой.

Маленькими шажками.

Она отпускает мой член и тянется, чтобы снять майку.

Я хватаю ее за руку, останавливая на полпути.

— Я собираюсь трахнуть тебя с моей фамилией, заклеянной на тебе, а потом ты объездишь меня в ней. Затем я сниму майку, свяжу тебе руки и трахну твою маленькую задницу.

Ее щеки покрываются красным румянцем. Я наслаждаюсь ее реакцией на слова, когда она покусывает нижнюю губу.

— До воскресенья?

— До самого гребаного воскресенья, милая.

Мои губы находят ее, входя в нее одним жестоким толчком. Мой пресс напрягается от безжалостной силы. Она приподнимается с кровати. Ее руки и ноги сжимают меня, как тиски.

В такие моменты, как эти, когда мы с Эльзой одно целое, весь мир исчезает.

Потребность обладать ею бьется у меня под кожей и впивается когтями в кости. Это больше, чем навязчивая идея или даже зависимость. Это свет в темноте, сжигающий изнутри.

Чем больше она цепляется за меня, как за якорь, тем сильнее я погружаюсь в ее тепло.

Быть с Эльзой точно так же, как десять лет назад. Она всегда приносила покой в мою хаотичную голову.

Единственная разница в том, что я стал более извращенно относиться к ее компании.

Поцелуев и объятий больше недостаточно. Теперь она моя, телом, сердцем и душой.

Сначала она запечатлелась у меня под кожей, затем в моем мозгу, а затем в сердце. Она организовала себе там уютное местечко. Теперь этот чертов орган бьется только для нее.

После того, как я глубоко вошел в ее стенки и довел до оргазма два раза подряд, Эльза лежит обмякшая, выглядя совершенно измученной.

Мне, наверное, придется приготовить ей ванну.

— Я говорила тебе, насколько безумна твоя выносливость?

Она перекатывается на бок и опирается на локоть, лицом ко мне.

Я натягиваю майку, которая все еще прикрывает ее грудь.

— Мы все еще не провели раунд без майки.

— Я сдаюсь, — смеется она. — Я полностью сдаюсь.

— Хорошо. Потому что я не шутил. Я сдерживаю свои обещания, милая.

В ее ярких глазах светится огонек, когда она покусывает нижнюю губу. Затем она быстро отпускает, думая, что я не смогу прочитать этот жест.

Это бесполезно. Я уже знаю, что у нее что-то в этой занятой голове.

— Что такое?

Она ничего не говорит.

Мои губы растягиваются в ухмылке.

— Скажи, или я добавлю еще один раунд тщательного секса.

— Ты сказал, что сдерживаешь все свои обещания, — начинает она.

— Да.

— Как насчет обещаний десятилетней давности?

Так все дело в этом.

Я улыбаюсь про себя, но ничего ей не показываю.

— Я не знаю. Ты все еще не определилась со своим университетом.

Мы говорили об этом последние несколько месяцев. Я был более чем готов бросить Оксфорд и поступить в Кембридж — даже если это не самое лучшее место для управления бизнесом и это разозлило бы Джонатана.

Все это не имеет значения. Я уже решил, что мы с Эльзой будем жить вместе в университете. Я не буду заниматься всей этой ерундой на расстоянии.

— Я бросаю Оксфорд, — говорю я ей как ни в чем не бывало.

Мне все равно, что кто-то скажет по этому поводу.

— Досадно. — она надувает губы. — Я подумывала подать туда заявление.

— Ты подумывала?

— Да. Мы с папой поговорили, и я решила вернуться к своей первоначальной мечте.

— Твоей первоначальной мечте?

— Да. Я показывала тебе рисунки, когда была маленькой.

— Строительство домов.

Она отчаянно кивает.

— Я поступлю на факультет по архитектуре в Оксфорде.

— И мы будем вместе жить.

Я знаю, что сжигаю ступеньки, но я должен ударить по железу, пока оно горячее.

Правда в том, что я никогда не смогу насытиться Эльзой. Меня убивает, что я отправляю ее домой каждую вторую ночь.

Я хочу, чтобы она была со мной все это время. Я хочу спать в окружении ее тепла каждую ночь и просыпаться каждое утро перед ее лицом.

Я ожидаю, что она будет бороться и скажет, что она должна подумать.

Мой разум уже полон тысячами способов убедить ее. Я могу сорвать ее заявку на общежитие. Могу обмануть ее, заставив думать, что она сняла дом с соседкой по комнате, а затем удивить ее появлением. Я могу..

Эльза лезет под кровать и достает ведро с шоколадными конфетами. Она опускается на колени рядом со мной, держа эту штуку, и ее лицо становится ярко-красным.

Ведро шоколада? Какого хрена?

Подождите.

Название пристально смотрит на меня в ответ.

Maltesers.

— *Когда я вырасту, я куплю тебе ведро Maltesers.*

— *Зачем?*

— *Затем, что папа говорит, что ты должен покупать подарки тому, за кого выйдешь замуж.*

— *Замуж?* — *шепчу я.*

— *Ага!* — *она усмехается.* — *Когда я вырасту, я выйду за тебя замуж.*

— Я тоже сдержала свое обещание, — *шепчет она.*

— Это не ты делаешь предложение, а я, — стону я, притягивая ее и дурацкое ведро к себе. — Я собираюсь, блядь, жениться на тебе, Эльза. Ты станешь моей женой. Моей семьей. Моим чертовым домом.

Она несколько раз кивает, в ее глазах блестят слезы.

— Ты тоже станешь моим домом, Эйден. Навечно.

Навечно.

Я прижимаюсь губами к ее рту.

Эльза моя.

Полностью моя.

Так же, как я ее.

Навечно.

В следующий раз я собираюсь обрюхатить ее.

Кимберли*21 год*

Я просыпаюсь, погружённая в наслаждение.

Буквально.

Мои ноги широко раздвинуты, когда Ксандер пирует на моей киске.

Его порочный язык пробегает вверх, а затем проникает в меня.

Я отрываюсь от кровати и хватаю его светлые пряди с силой, которая, должно быть, причиняет боль. Но это его не останавливает.

Он пожирает меня, как голодный хищник, а я его бедная, желанная добыча.

Его большой палец находит мой клитор, и он делает это мастерски, щелкая и кружа. Это безумие, насколько лучше он знает мое тело, чем я. Как он сводит меня с ума самыми простыми прикосновениями.

В тот момент, когда он играет пальцами, мне конец.

Полный и абсолютный конец.

Я выкрикиваю его имя, кончая ему на язык. Мое дыхание становится резким и быстрым, когда он еще раз облизывает мои чувствительные складки.

Когда его лицо появляется у меня между ног, он улыбается так широко, что ямочки образуют глубокие складки на его щеках.

Он высовывает язык и слизывает меня со своих губ, и я не могу сдержать стон.

О, Боже.

Это никогда не устареет.

С тех пор как мы начали жить вместе в колледже три года назад, Ксандер всегда будит меня таким образом или своим членом глубоко внутри

меня. В конечном счёте, он всегда будит меня оргазмом и этими озорными ямочками на щеках.

Я пытаюсь разбудить его, обхватив губами его член, но это случается не часто. Во-первых, он всегда встает первым, а во-вторых, ему обычно не нравится, когда я лишаю его «утреннего веселья», как он это называет.

— Доброе утро, красавица.

Он взбирается по моему телу медленными, небрежными поцелуями вверх по животу.

Я прекратила свою истощающую жизнь диету два года назад. Для принятия этого решения потребовалось слишком много времени, поэтому, как только я начала воздерживаться от еды, я решила вести здоровый образ жизни, но не голодать.

Ксандер стал моим личным тренером по бегу, и я, возможно, хотела бы убить его в самом начале за все долгие пробежки, которые мы делали, но потом я начала с нетерпением ждать их. И, ладно, то, как он выглядел в своей спортивной одежде, могло бы немного помочь. Хорошо, очень *сильно* помочь.

Он просто восхитителен, и все девушки, которые бегают в нашем парке, согласны с этим.

Когда я смотрела на них, он дразнил меня и, трахая меня говорил, что я единственная девушка, которую он видит и когда-либо увидит.

Правда, иногда у меня все еще возникают проблемы с уверенностью в себе, но теперь у меня есть свои механизмы, и я научилась с лёгкостью уходить от них, углубляясь в самоутверждение.

Теперь я могу посмотреть на себя в зеркало и, наконец, улыбнуться. Я могу быть собой и не хотеть стать кем-то другим.

И человек, который сыграл самую важную роль во всем этом, это этот парень, который сейчас прокладывает себе путь поцелуями по моему телу — моему неидеальному, полному растяжек и шрамов телу — и все еще имеет тот дикий, похотливый взгляд в глазах.

Он щелкает по моему соску подушечкой большого пальца, и я издаю глубокий стон и провожу кончиками пальцев по тому месту, где его сердце. Он сделал татуировку, как только вернулся из реабилитационного центра и держался подальше от водки. Мы пьем, но теперь он никогда не теряет себя от этого.

Грин.

Вот что написано на татуировке. Всего одно слово рядом с его сердцем.

Он заставил меня расписаться на нем на всю жизнь, и я все еще чувствую себя близкой к слезам при виде этого.

Ксандер мой так же, как и я его.

Его грудь прижимается к моей, когда он улыбается мне своей небрежной, сонной, похотливой улыбкой.

— Доброе утро, Ксан. — я взъерошиваю его светлые волосы.

Я не могу оторвать от него рук, и, возможно, я слишком влюблена в этот цвет. Он сияет в утреннем свете, льющемся с балкона нашей спальни.

Он опирается на локти, так что они оказываются по обе стороны от меня.

— Счастливого окончания учебы.

— Уф, не напоминай мне обо всех вещах, которые я должна сделать сегодня. Кир потребовал, что хочет приехать сюда.

Папа, Льюис и Кириан присоединятся к нам за обедом после церемонии, а потом я уже договорилась с Эльзой, Эйденем и остальными.

То есть, если Эйден не решит похитить Эльзу куда-нибудь.

Теперь у нас всегда семейные обеды и ужины. Льюис и папа наши отцы, и хотя я не называю Льюиса «папой», а Ксан не делает то же самое с моим отцом, у нас есть невысказанное взаимопонимание, вроде того, которое было у папы и Льюиса в течение многих лет.

Так проще и не доставляет нам огорчения от посторонних глаз.

Мама переехала в Париж два года назад. Она присылает нам приглашения на свои выставки, но мы не ходим. Сейчас, когда мы говорим о

ней, нет даже боли. Она как та дальняя родственница, о которой на самом деле никто не заботится.

Даже Кириан, который должен быть привязан к своей матери, не хочет проводить с ней время и теперь стремится быть «правильным» мужчиной, как папа и его дядя Льюис — его слова, а не мои.

— Я подкуплю Кириана пирожными, чтобы он не остался на ночь, — говорит Ксандер.

— Почему он не может?

— Потому что мы отмечаем.

— У нас много торжеств за один вечер.

— Тогда нам придется добавить еще одно. Самое важное.

Он лезет под подушку и достает кольцо с ослепительно зеленым драгоценным камнем сверху.

Мои глаза расширяются, когда я смотрю между ним и кольцом. Это не может быть тем, о чем я думаю...?

— Я хотел сделать это с тех пор, как переехал, но отец и Кэлвин говорили обо всем этом взрослому дерьме об окончании колледжа и тому подобное. Кроме того, я не хотел отвлекать тебя больше, чем следовало бы. Излишне говорить, что я так чертовски долго ждал, чтобы официально сделать тебя своей, назвать тебя своей женой, своей жизнью и своим будущим.

К тому времени, как он заканчивает, я плачу, как маленькая девочка.

— Да! Абсолютное да!

— Я не спрашивал. Это означает, что у тебя есть шанс сказать «нет», а у меня его нет, Грин.

Он надевает кольцо мне на палец. Идеально — конечно, так оно и есть.

Иногда мне кажется, что Ксандер знает меня даже лучше, чем я сама себя.

Он останавливается и смотрит на меня так, как я никогда не перестану смотреть на себя.

И по этой причине он не только идеально подходит мне, но и был создан для меня.

Точно так же, как я была создана для него.

— Я так сильно люблю тебя, Ксан.

— И я люблю тебя, Грин.

Он завладевает моими губами в медленном поцелуе, от которого у меня перехватывает дыхание.

Я таю, и у меня нет никакого желания останавливать это. Лондон мяукает, потом прыгает на кровать, требуя присоединиться к празднованию. Она ненавидит, когда ее оставляют в стороне.

Ксандер отстраняется:

— А теперь о дате свадьбы.

— Что насчет неё?

— Как насчет завтра?

Мы оба смеемся, когда наши губы вновь встречаются.

Тил

19 лет

Есть что-то в том, чтобы смотреть на мир через разные линзы.

Раньше все было расплывчато. Теперь в этом есть смысл, ясность, которую я не могла почувствовать раньше.

Есть нечто, называемое счастьем, и есть нечто, называемое радостью.

За всю свою жизнь я никогда по-настоящему не понимала, что такое счастье и почему люди жаждут быть счастливыми. Это было похоже на кайф, который в конце концов просто пройдет.

То есть до тех пор, пока Ронан не стал константой в моей жизни. Он воплощение счастья.

Он кайф, который никогда не пройдет.

После окончания школы мы провели лето в путешествиях. Просто так, путешествуя из одной страны в другую и из одного города в другой.

Мы были свободными душами, открывающими для себя мир, людей и культуры. Он называл меня ботаником всякий раз, когда я спрашивала о музеях, а я называла его жиголом всякий раз, когда он хотел пойти в самый модный бар.

Ронан останется Ронаном, что бы ни случилось. Веселье и вечеринки в его душе. Всякий раз, когда кому-то нужно устроить вечеринку, он будет в первых рядах, планируя свое следующее «эпическое» событие. Последним был брак Эйдена и Эльзы. Он был таким экстравагантным в своей речи, вел себя солено, потому что не был лучшим человеком.

С тех пор он подкупал Ксандера, чтобы его выбрали шафером, угрожая удалить их всех из своего чата.

Он этого не сделает.

Чего он им не говорит, так это того, что всадники несколько раз в прошлом спасали его. Они были там не только для вечеринок, как большинство других; они были там ради него, и Ронан никогда этого не забудет.

Сказать, что мы оба расстались с Эдуардом, было бы ложью. Иногда кажется, что он все еще остается тенью, нависшей над нашей жизнью, даже после смерти.

У нас с Ронаном все еще бывают кошмары, но они редкие. Сейчас мы ходим на совместную терапию, и это лучшая терапия, которую я проходила в своей жизни.

Когда все становится слишком, я просто говорю это. Однако обычно этого не происходит, потому что я знаю, что у меня есть моя семья, и, самое главное, у меня есть он.

Ронан.

В тот момент, когда он убирает мои волосы с лица или целует, я обычно забираюсь на него и требую, чтобы он трахнул меня.

Конечно, он подчиняется и с каждым разом делает это все мечтательнее, грубее, жестче. Ронан никогда не относился ко мне как к нежному цветочку, и я люблю его за это больше всего на свете. Даже когда он трахает меня медленно, это ради того, чтобы я почувствовала его — почувствовала нас — а не потому, что он боится прикоснуться ко мне.

Мы с Ронаном никогда не боимся прикоснуться друг к другу. Во всяком случае, это то, что сближает нас и делает спокойнее.

Мы начали с прикосновения. В первый раз, когда он сделал это в библиотеке школы, я как бы попала под его чары, а он попал под мои.

Сегодня у меня для него сюрприз.

Мы пришли в дом его родителей на ужин. Шарлотта наконец-то вышла из опасной зоны. Те пару месяцев после смерти Эдуарда были сущим адом.

Эдрику пришлось сделать так, чтобы смерть его брата казалась несчастным случаем, а болезнь Шарлотты сказывалась на нем и Ронане. Я

держала своего жениха за руку все это время, пока не появились результаты, и врач не сказал, что последняя операция прошла успешно.

Ей пришлось пройти много восстановительной терапии, а Эдрик все это время не отходил от нее ни на шаг. Ронан тоже.

Одним из моих любимых воспоминаний о том времени было то, как Эдрик попросил у Ронана прощения за то, что не видел действий Эдуарда, в Ронан сказал, что ему жаль, что он не видел болезни своей мамы.

Эдрик и Ронан сблизилась во время выздоровления Шарлотты. Думаю, видеть их вместе рядом с ней помогло ее психическому состоянию больше, чем сказал бы им любой врач.

Мы с Ронаном должны были уйти после ужина, но он сказал, что ему нужно кое-что взять из своей комнаты. Он задерживается, так что я могу спросить его прямо сейчас.

— Ларс. — я усмехаюсь, когда вижу, как он выходит из комнаты Ронана. — Как я выгляжу?

Я натягиваю свою белую футболку, на которой написано «*Belle — Красавица*».

На мне также черная юбка из тюля, кожаная куртка и ботинки — удобные, как обычно.

— Вы уже второй раз задаете мне этот вопрос за сегодня, мисс Тил.

— Перестань быть таким снобом, и называй меня Тил, — поддразниваю я.

Со временем мы с Ларсом сблизилась. Он бы не признался в этом, но у него всегда наготове для меня плитка темного шоколада, а потом он ноет о том, как я продолжаю их воровать.

— Вы выглядите прекрасно. — он вздергивает подбородок. — И перестаньте есть шоколад, который вам никто не предлагает.

Я корчу гримасу, когда он шагает по коридору, а затем захожу в комнату.

Ладно, все.

Это не значит, что это должно быть традиционным или что-то в этом роде — не то, чтобы меня это волновало в любом случае.

— Эй, Ронан, когда мы поженимся...?

Я замолкаю, когда нахожу его в середине снятия брюк перед кроватью, заполненной корзинами с темным шоколадом.

— Черт возьми, *belle* — красавица, ты не должна была еще приходить.

Я ухмыляюсь.

— Не останавливайся из-за меня.

Его руки остаются на поясе.

— Ларс сказал, что темный шоколад лучшая взятка, которую я мог бы использовать с тобой.

— Ларс не ошибся.

— Подожди. — его рука покидает ремень, и я почти тянусь, чтобы положить обратно.

Ронан такой красивый, что иногда я не сплю, просто смотря на него.

Однако дело не только в его физической красоте, но и в его душе, которая говорит со мной и вырывает меня из собственной души.

Он затишье после бури.

Он свет после тьмы.

Он это все.

— Возвращайся. — он прищуривает глаза. — Я что-то слышал о браке?

— Да. Я подумала.. знаешь... чтобы мы сделали все официально?

Иначе я начну бить каждую девушку, которая посмотрит на него в университете.

Он все еще притягивает внимание, как магнит. Я думала, что это закончится после школы, но нет, его популярность не знает границ. Мне нужно заявить о своих правах, прежде чем кто-нибудь попытается забрать его.

Не то чтобы мне угрожали или что-то в этом роде, но я так же жадно отношусь к Ронану, как и он ко мне. Это, вероятно, никогда не изменится.

Люди говорят, что мы слишком молоды, чтобы пожениться, но для меня дело не в возрасте. Я решила, что Ронан единственный человек, с которым я проведу остаток своей жизни. Это неоспоримый факт. Так зачем же откладывать?

— Эй. — он выглядит оскорбленным. — Я планировал провести вечер вне дома, чтобы спросить тебя. Это несправедливо.

— Ты хотел спросить меня?

— Я хотел жениться на тебе до того, как этот ублюдок Эйден женился на Эльзе, но ты всегда говоришь, что все грандиозные вещи глупы, поэтому я решил подождать.

Мое сердце замирает, когда я встаю на цыпочки, обнимаю его за шею и запечатлеваю поцелуй на его щеке.

— Это не глупо, когда ты в этом замешан, Ронан.

Его ухмылка становится шире.

— Один ноль, Ксандер.

Я смеюсь.

— Так значит ли это, что ты женишься на мне?

— Конечно, я женюсь на тебе, и ты не спросила первой — это я сделал.

— Мы согласимся не согласиться, ваша светлость, — поддразниваю я.

— Что ты имел в виду с шоколадом?

— Несколько вещей. — его глаза светятся озорством.

— Например, что?

— Вот, что.

Его губы встречаются с моими, а затем мы падаем на кровать.

Если это моя будущая жизнь, я готова к этому.

Сильвер

21 год

— Какого чёрта ты здесь делаешь? — я шепчу-кричу, когда Коул прислоняется к двери ванной и щелкает, закрывая её за собой. — Это дамская комната.

— Я знаю

Он крадётся ко мне, и каждый его шаг, как будто он идёт прямо к моему сердцу.

Я была права. Мои чувства к нему никогда не угаснут. С каждым днём я всё сильнее и быстрее влюбляюсь в него.

С каждым днём он становится для меня всем.

Мы переехали в Оксфорд, чтобы поступить в университет, и вскоре после этого рассказали маме и папе о наших отношениях.

Я не могу быть с ним официально. По крайней мере, пока нет. Папа выиграл выборы и стал премьер-министром, а затем снова женился на маме через год после смерти Хелен.

Это вызвало настоящий шум в средствах массовой информации, несмотря на их стратегический подход. Фредерик сделал вид, что мама утешила папу, и они заново открыли для себя своё первоначальное влечение.

Это правда, что мы с Коулом больше не живём под одной крышей, и он затмил себя из семейного круга, чтобы не ассоциироваться с моим братом. Но потребуются годы, чтобы мир смирился с нами.

Мы больше, чем мир, он и я. Они не готовы к нам.

Папочка и мама — Консервативная партия, несмотря на их неконсервативные действия в этом деле. Я точно не могу понизить их голоса, объявив, что влюблена в своего бывшего сводного брата.

Я смогу это сделать только после того, как папа уедет с Даунинг-стрит, 10.

Из-за этого наши отношения известны только на уровне семьи и близких друзей. Только Эйден, Ксандер и Ронан из наших друзей.

Но даже с этим, Коул не должен быть здесь.

— Все остальные снаружи, – ругаюсь я. — Мы должны были отпраздновать помолвку Ксандера и Ким.

— Я знаю.

Его глаза блестят, когда он прижимает меня к стойке, его руки по обе стороны от меня.

Я обхватываю его обеими руками за шею.

— Мы не можем этого сделать.

— Я знаю.

А потом его губы впиваются в мои. Я взбираюсь по его телу, пока он возится со своим ремнём, и довольно скоро он погружается в меня.

Я целую его как сумасшедшая, пока он трахает меня жёстко, быстро и грязно у стойки в ванной.

Я бы солгала, если бы сказала, что это было наше первое нарушение правил публичной непристойности. Коул этого не показывает, но он авантюрный тип. Он не останавливается, когда хочет что-то сделать — и это что-то — я.

Ничто его не останавливает, будь то в университетском общежитии или во время ночной прогулки, когда все напиваются. И даже во время семейных ужинов.

Мама каждый раз кричит ему об этом, а он просто пожимает плечами.

— К-Коул...

Я крепко сжимаю его плечи.

— Ближко, Бабочка? — ворчит он мне в рот.

— Да, о, да.

— Кому ты принадлежишь?

— Тебе.

— Скажи это.

Я прикусываю нижнюю губу и бормочу слова, которые сводят его с ума.

— Я любила только тебя. Только тебя. Ты мой первый и последний.

Он обхватывает рукой моё горло, сжимая, когда он входит в меня быстрее, заставляя меня упасть.

Падение для него.

Падение для нас.

Он входит в меня в то же самое время, когда я разбиваюсь вокруг него, кусая его за плечо поверх рубашки, чтобы заглушить мой крик.

Как только волна спадает, я вздыхаю, кладу голову на изгиб его шеи, вдыхая его.

— Я люблю тебя.

Вместо того, чтобы всё время говорить ему, что я ненавижу его после секса, теперь у меня вошло в привычку говорить о своих истинных чувствах.

— И я люблю тебя.

Он целует меня в нос, когда я встаю на нетвёрдые ноги, глупая гравитация тянет меня вниз.

После того, как я вымою его и себя, я поворачиваюсь лицом к раковине, чтобы проверить свой макияж.

Коул остаётся у меня за спиной, обнимая меня обеими руками за талию.

Не проходит и дня, чтобы мы не держали руки подальше друг от друга. Мы могли бы не касаться друг друга публично, но наедине? Мы - это всё, о чём никто не должен знать.

Мы извращенцы, мы придурки, мы ботаники. Или, скорее, это Коул. Мы влюблены друг в друга. Мы счастливы.

Пока он у меня есть, я знаю, что мне больше ничего не понадобится.

Он кладёт подбородок мне на макушку.

— Ты выйдешь за меня замуж, верно?

Я замираю, помада застыла перед моим приоткрытым ртом, когда я встречаюсь с его взглядом в зеркале.

— Ч-что?

— Ты выйдешь за меня замуж?

— Это потому, что все остальные выходят замуж?

— К чёрту всех остальных. Я спрашиваю *тебя*. — он целует меня в макушку. — Я знаю, что пройдёт много времени, прежде чем я действительно женюсь на тебе, но я хочу подтверждения.

— Ох, Коул. — я разворачиваюсь и смотрю ему в лицо. — Конечно, я выйду за тебя замуж. Ты для меня единственный.

— Единственный, да?

— *Единственный*.

— И ты для меня единственная, Бабочка.

Он так страстно целует меня в губы, что я чуть не забираюсь на него снова и снова.

— Повтори это перед этим ублюдком Эйденом, когда мы выйдем на улицу.

Я смеюсь. Коул всё ещё сдержанно злится на Эйдена за те три года, что я была с ним помолвлена, и он использует каждый шанс, чтобы отомстить.

Коул всегда будет Коулом.

Я просто рада, что он наконец-то оставил Хелен позади. Мы оба это сделали. Теперь мы сосредоточимся только на себе.

Когда он потребовал мои первые, я сохранила их для него. В ответ он сохранил мне свои. Мы друг для друга всё.

Обнимая его, я шепчу.

— Однажды я буду кричать на весь мир, что ты мой.

— И ты моя, Сильвер, всегда.

— Всегда.

СВАДЪБА

Леви*20 лет*

Если бы кто-то сказал мне несколько лет назад, что я буду стоять здесь сегодня, я бы им не поверил.

Я, стоящий в проходе, когда мне едва исполнилось двадцать?

Я, ожидающий, когда самая красивая девушка на земле придёт и заполнит мою жизнь?

В первый день, когда я встретил Астрид в загородном особняке дяди, когда она была накачана наркотиками и вела себя прилипчиво, я бы не подумал, что мы окажемся здесь. Я не понимал, насколько бессмысленной была моя жизнь до этого момента.

Совершенно, совершенно бессмысленна.

Согласно требованиям Джонатана и Лорда Клиффорда, зал, в котором проходит наша свадьба, огромен. Они не хотели, чтобы свадьба их отпрысков была маленькой и уютной, потому что они очень заботятся об имидже и прочей ерунде.

Если бы это зависело от меня, я бы похитил её на остров Джонатана и устроил свадьбу только для нас двоих.

Тем не менее, я знаю, как сильно она нуждается в том, чтобы её друзья были с ней, и как сильно она готовилась к этому в течение последних нескольких месяцев. Родители Астрид поженились в Вегасе и на самом деле так и не сыграли свадьбу, поэтому она хотела настоящую, как своего рода жест по отношению к своей матери.

И вот я здесь, стою, в то время как все сидят аккуратными рядами с золотыми украшениями. Я не сосредотачиваюсь на грандиозности зала или громких именах, которые пришли ради дяди и Лорда Клиффорда.

Я не смог бы, даже если бы захотел.

Моё нетерпение берёт верх надо мной, и с каждой секундой я жалею, что не взял Астрид за руку и не сбежал около года назад.

Все говорят, что мы слишком молоды, чтобы жениться, но не все поражены связью, которая была у нас с Астрид с самого начала. Тип отношений, которые у нас есть, не только исцеляющий, но и мирный. Когда внешний мир становится слишком громким, его заглушают объятия Астрид. Когда в моей голове темнеет, голос Астрид успокаивает её.

Иногда мне кажется, что я высасываю её жизненную сущность, но всякий раз, когда она заползает в мои объятия, будто ей всегда было там место, и рассказывает мне о своём дне, я чувствую себя самым счастливым ублюдком на свете.

Да, я эгоистичен по отношению к этой девушке, и у меня нет планов отпускать её. Но я действительно планирую сделать её королевой моей жизни, душой моего существа и сердцем моего существования.

— Кольца у тебя? — шепчу я Эйдену, который стоит рядом со мной.

У меня не было выбора, кроме как сделать этого мудака своим шафером. Хотя Ронан или даже Дэниел были бы лучше, Эйден сказал, что хочет этого.

Как будто он *действительно* этого хочет.

И я не сомневаюсь, что это потому, что Эльза сидит где-то в толпе. За последние несколько месяцев она сблизилась с Астрид, и теперь они даже проводят время вместе с девочками.

У Эйдена есть пунктик насчёт желания быть в центре внимания Эльзы, даже если он всего лишь шафер.

Не то чтобы я чем-то отличаюсь. На самом деле, я более очевиден в этом. Мне не нравится ни с кем делить время Астрид.

Её отец и лучший друг Дэниел это уже слишком. Мне не нужно добавлять имена в список.

— Думаю, что забыл их.

Бесстрастное лицо Эйдена остаётся прежним.

— Что? — я шиплю и краем глаза ловлю взгляд Джонатана.

Ему нравится, чтобы мы с Эйденем вели себя наилучшим образом на публике, чтобы не запятнать фамилию и бла-бла-бла. Обычно мы с моим двоюродным братом придерживаемся этого правила, чтобы избежать его гнева.

Но обычно не сегодня, потому что я в нескольких секундах от того, чтобы ударить своего двоюродного брата в горло.

— У тебя была одна миссия, Эйден! — я шепчу кричу. — Одна грёбаная миссия.

Он похлопывает себя по пиджаку и достаёт маленькую чёрную бархатную коробочку.

— О, похоже, они всё-таки здесь.

Я прищуриваюсь, глядя на него.

— Ты сделал это нарочно?

Он приподнимает плечо.

— Ты был таким беспокойным. Я отвлек тебя от мыслей о других вещах.

— Пошёл ты.

— Не за что, Лев.

Подружка невесты Астрид идёт по проходу, неся букет красных роз. Среди присутствующих проносится ропот по поводу нетрадиционного выбора подружки невесты, но действительно ли они ожидали, что моя свободолюбивая Астрид сделает все в соответствии с традицией?

Дэниел ухмыляется, кланяется и подмигивает зрителям. Старушки расплываются в улыбках, когда он дарит каждой из них по цветку. К тому времени, когда он добирается до передней части, у него не остаётся ничего, кроме того, что прикреплено к карману его смокинга.

Он стоит напротив меня и Эйдена, и я сопротивляюсь желанию спросить его, как она выглядит и придёт ли она прямо сейчас.

— Она потрясающая. — шепчет мне Дэниел, как будто слыша мой невысказанный вопрос. — Не думаю, что ты готов к ней, капитан.

— Я всегда готов к ней. — бормочу я в ответ.

Дэниел одаривает меня своей дерзкой ухмылкой, и, хотя он обычно приклеивается к Астрид суперклеем, я никогда не чувствовал угрозы с его стороны. У них особая связь, которая никогда не выходила за рамки дружбы. Тот факт, что он согласился быть подружкой невесты ради неё, кое-что говорит о том, как далеко они оба готовы зайти друг для друга.

Это похоже на нас с Эйденем, но в моём случае и в случае с моим двоюродным братом мы всегда были связаны только нашим соперничеством и врождённой потребностью проявить себя перед дядей Джонатаном.

Астрид и Дэниел это наша чистая форма. Их отношения больше направлены на поддержку друг друга, а не на унижения.

Несмотря на то, что Дэниел выбрал совершенно другую область обучения, чем Астрид, и у них нет общих увлечений — он предпочитает физическую активность и вечеринки, в то время как она художник — интроверт, — они все равно находят время друг для друга.

Конечно, это время нужно сократить, как только она станет моей женой. Я мог бы одобрить Дэниела, но мне нужно, чтобы она постоянно обращала на меня внимание.

Одержимость? Возможно. В конце концов, она всегда была моей навязчивой идеей.

Музыка меняется на акустическую версию одной из песен Muse, и я улыбаюсь. Только Астрид могла сделать песню своей любимой группы своей свадебной песней.

Я люблю эту девушку больше, чем можно описать словами. И Дэниел прав. Я ещё не готов.

В тот момент, когда она появляется, её рука лежит на руке Лорда Клиффорда, я на секунду перестаю дышать.

Она... захватывает дух.

Её белое тюлевое платье странно красиво ниспадает ниже колен. И на ней её фирменные чулки в сеточку и кроссовки вместо каблучков.

Я пытался украдкой взглянуть на её платье перед свадьбой, но она и Дэниел прогнали меня. Никогда в своих самых смелых мечтах я не думал, что она будет такой захватывающей. Хотя сказать, что я удивлён, что она выбрала что-то подобное, было бы ложью. Астрид всегда была из тех, кто признаёт свои причуды, не заботясь об общественных стандартах.

Тот факт, что она такая настоящая, заставил меня так сильно влюбиться в неё и почему я никогда не мог найти выход.

Не то чтобы я когда-нибудь хотел этого.

Огромная улыбка освещает её черты, когда её яркие зелёные глаза встречаются с моими. Она более чем готова принадлежать мне. Точно так же, как я не могу дождаться, когда буду принадлежать ей, сейчас и после.

Лорд Клиффорд вкладывает руку своей дочери в мою и говорит тихо, так, чтобы только я мог его слышать.

— Я отдаю тебе частичку себя, и, если ты причинишь ей какую-либо боль, я убью тебя. Даже Джонатан не сможет спасти тебя.

— Папа! — Астрид шёпотом кричит на своего отца, но не может стереть ухмылку с лица.

Я коротко киваю, и он касается губами лба дочери.

— Будь счастлива. Ты заслуживаешь этого, Звёздочка.

Затем он присоединяется к мрачному дяде, который ненавидит всех и вся в этом мире особенно Лорда Клиффорда. Будем надеяться, что они не сожгут это место дотла до окончания церемонии.

— Лев? — глава Астрид встречаются с моими, и я не тороплюсь, запоминая это лицо.

Как будто я вижу её в первый раз.

Этот момент слишком особенный, чтобы просто отпустить его, не выгравировав его в коробке внутри моего сердца, на которой повсюду написано её имя.

Её темно-каштановые волосы собраны наверх, открывая нежную шею, окружённую подвеской в виде звезды, которую я подарил ей в качестве раннего свадебного подарка. Её макияж едва заметен, как обычно, но она не могла выглядеть красивее, чем сейчас.

Если бы был способ запечатлеть этот момент и сохранить его, я бы не колебался.

— Леви. — снова зовёт она. — Священник говорит.

— Он должен подождать, пока я не насыщаюсь тобой.

Её щёки краснеют, когда она улыбается.

— Ты покраснела, Принцесса. Мне нравится, когда ты краснеешь.

Она крепче сжимает мои пальцы, и в этот момент я клянусь себе, что с сегодняшнего дня и впредь эта девушка будет причиной того, что я жив.

Эйден

19 лет

Тот, кто придумал эту штуку о том, что тебе не разрешают видеться с невестой до свадьбы, грёбаный идиот. Если бы я мог найти его где-нибудь, с ним было бы покончено.

Но эй. Не увидеть Эльзу заранее означает, что будет элемент неожиданности, и я здесь для этого. *В основном.*

— Ты не можешь, блядь, прояснить одну вещь? — я смотрю на бабочку в зеркале, а затем на ублюдка, сидящего позади меня, который читает книгу, будто это обычное явление. — Выбор тебя в качестве лучшего мужчины худшее решение, которое я когда-либо принимал.

Коул переворачивает страницу. По крайней мере, он выглядит презентабельно в своём смокинге с аккуратной бабочкой и элегантными туфлями.

— Никто ничего не говорил об исправлении связей. Кроме того, ты не выбирал меня. Ты застрял со мной, Кинг.

— Я действительно выбрал тебя.

Я полностью снимаю галстук-бабочку и начинаю с нуля.

— Если я правильно помню, Ксан сказал, что на его свадьбе Ронан будет в качестве шафера, и Ронан сказал, что ответит взаимностью, потому что мы ему не нравимся почти каждый день, и он не позволит никому из нас испортить день его свадьбы. Так что ты, будучи придурком, не выбрал бы ни одного из них, зная, что они не ответят взаимностью. С тех пор как твой кузен повредил ногу, он не сможет стоять так долго. Это заставляет тебя оставаться со мной. Кстати, всегда пожалуйста.

— Пошёл ты, Нэш. — я снова сдёргиваю бабочку, потому что завязываю ее всё ещё неправильно. — Ты тоже застрянешь со мной на своей свадьбе. Тебе лучше быть готовым к тому, что я тогда сделаю.

— Я более чем готов. В конце концов, все это происходит с определённой целью. — Нэш отклоняет свою книгу в сторону, наблюдая за мной через зеркало. — Подожди секунду. Ты нервничаешь?

— Отвали.

Улыбка чеширского кота появляется на его губах, когда он бросает книгу на красное бархатное кресло и встаёт, чтобы присоединиться ко мне у зеркала, пристально наблюдая за мной, как будто он кот, который нашёл рыбу.

— Так и есть, не так ли?

— Ты собираешься быть полезным в ближайшее время?

Его ухмылка становится шире.

— Нет, пока ты не признаешь, что нервничаешь. О, я должен был быть хорошим шафером и найти тебе проститутку прошлой ночью?

— Если бы ты это сделал, я бы нанял Куинс стриптизёра-мужчину в её первую брачную ночь. — я улыбаюсь в ответ, когда он показывает мне средний палец.

Он направляется обратно к креслу.

— Похоже, в конце концов, тебе не нужна помощь. Ты можешь побыть на свадьбе без галстука-бабочки.

— Нэш... — я предупреждаю.

Он останавливается на полпути и бросает на меня взгляд через плечо.

— Ты признаёшь это?

— Я не нервничаю.

— Да, верно.

— Я не нервничаю. Просто... — я глубоко вздыхаю. — Не могу поверить, что это происходит. Мой разум продолжает посылать сигналы о

том, что что-то пойдёт не так, как тогда, когда нам было восемь или позже, когда она не помнила меня.

— Или, может быть, однажды она проснётся и поймёт, что заслуживает лучшего, чем ты.

— Ты, блядь...

Я собираюсь ударить его по лицу, но останавливаю себя, потому что не могу допустить, что мой друг будет на свадьбе с окровавленным носом.

— Расслабься. — он слегка улыбается. — Я говорил со своей точки зрения. Вот что, я думаю, Сильвер будет делать каждый день. Это не очень весёлое чувство.

Я глубоко выдыхаю.

— Вообще.

Несколько секунд мы остаёмся в неловком молчании. Ни Коул, ни я не умеем направлять чувства вовне. Мы внутренние люди, и я думаю, что именно поэтому мы в первую очередь тяготели друг к другу.

Он берет бабочку из моих пальцев и завязывает её вокруг моего горла, сосредоточив на ней своё внимание.

— Эльза выбрала тебя, когда могла пойти с кем-то другим.

— Если ты не прекратишь говорить такое дерьмо, тебя ударят, и к чёрту отсутствие шафера.

Он усмехается.

— Просто говорю. Я хочу сказать, что она выбрала тебя и точно знает, что её ждёт. Если она всё ещё не разочаровалась в тебе, я говорю, что это надолго.

— Надолго?

— Так долго, пока ты делаешь это, Кинг. — он заканчивает и отступает, чтобы посмотреть на дело своих рук. — Вот так. Готово.

Дверь распаивается, и входит Ронан, держа Ксандера за плечо, пока они смеются над чем-то, поедая закуски.

Как только они видят нас, Ронан встаёт между мной и Нэшем, держа воображаемый микрофон.

— Эй, Кинг. Каково это жениться?

— Нервно.

Нэш ухмыляется, и я отстраняю его, разглаживая куртку.

— Должен признаться, я думал, что буду первым, кто женится. — Ксандер надувает губы. — Но думаю, что мой отец строже, чем Джонатан Кинг.

— Джонатан строгий. — Коул забирает свою книгу. — Эйдену просто наплевать.

— Хорошо, Эйден выигрывает в свадебном отделе. — Астор указывает пальцем на себя. — Но мы с моей Тил обручились первыми. Мы поженимся раньше, чем ты успеешь оглянуться, так что постарайся победить нас, Ксан.

— О, ты в деле. — Ксандер игриво хлопает его по плечу, и тот отвечает ему тем же.

Они начинают одну из своих перепалок, прежде чем я оборачиваюсь и спрашиваю.

— Ты видел Эльзу?

— Чёрт возьми, да. Она была моей первой невестой, не забыл?

— И моей девушкой. — Ксан ухмыляется.

Я уже собираюсь прижать их лица к стене, когда они раздражаются смехом и издеваются надо мной, в то время как Нэш ухмыляется на заднем плане, как маленькая сучка, которой он и является.

Дверь снова открывается, прежде чем я успеваю спросить их, как она выглядит. Не то чтобы я должен. Я хочу сам увидеть, как она.

Леви ковыляет, опираясь на костыль. Он получил небольшую травму во время игры, и нуждается в отдыхе, прежде чем сможет возобновить тренировки. Несмотря на костыль, он выглядит лучше всех в смокинге и с уложенными светлыми волосами.

— Хорошо выглядишь, маленький кузен. — он подходит ко мне и сжимает моё плечо в объятиях, затем отпускает меня. — Готов присоединиться к брачному поезду?

Не совсем. Для меня дело не в браке. Речь идёт о том, чтобы быть с Эльзой как можно дольше. Речь идёт о нашей совместной жизни и воспоминаниях, которые мы оставим в будущем. Речь идёт о том, чтобы стать единым целым.

Готов ли я к этому?

Я улыбаюсь в зеркало.

Абсо-блядь-лютно.

Полчаса спустя я стою перед проходом в доме Итана. Именно здесь Эльза хотела сыграть свадьбу, и Джонатану это ни капельки не понравилось, но он будет жить. Этот день не о нём, а о ней.

Коул ведёт себя наилучшим образом справа от меня, что связано с девушкой, которая сидит через несколько рядов от нас со своими родителями. Сильвер улыбается ему, но быстро отводит взгляд, потому что они всё ещё находятся на той стадии, когда их отношения являются секретом.

Тил висит на руке Ронана, когда он что-то шепчет ей на ухо, а затем ухмыляется, как идиот. Ксан сидит с Ноксом в первом ряду и дуется, как брошенный ребёнок, потому что Кимберли стоит напротив меня в качестве подружки невесты.

Я сосредоточен на ком угодно, только не на себе, потому что нетерпение берет верх.

Как раз в тот момент, когда я собираюсь отправить Коула на поиски Эльзы, музыка меняется. Я выпрямляюсь, когда Итан появляется с самым красивым созданием, которое я когда-либо видел.

Это похоже на повторение тех времён, когда она впервые нашла меня в том подвале — когда её глаза встретились с моими, и она сказала мне, что спасёт меня.

Она сделала это не одним способом.

Теперь она делает это снова.

Её пышное белое платье обрисовывает её мягкие изгибы, а подол колышет пол. Она не собрала волосы в пучок, как я ожидал. Вместо этого светлые пряди переплетаются с цветами, когда падают по бокам её лица. На ней нет фаты, и выражение её лица яркое, мягкое и такое живое, что хочется подбежать и приложить ухо к её груди, чтобы послушать биение её сердца.

Когда её ярко-голубые глаза встречаются с моими, мир на секунду останавливается.

Нас только двое, как тогда, когда нам было по восемь, и она сказала мне, что выйдет за меня замуж. Когда она заставила меня пообещать ей то же самое.

Мы оба воплощаем это обещание в реальность, и из-за этого сегодня — ещё одно начало нашей совместной жизни.

Губы Эльзы растягиваются в улыбке, и я улыбаюсь в ответ.

Она всегда была моей, когда нам было по восемь, и когда я снова воссоединился с ней в шестнадцать, и когда я наконец получил её в восемнадцать.

Мне повезло, что я нашёл её, и я проведу остаток своей жизни, заставляя её чувствовать себя королевой, которой она всегда была.

Сейчас и навсегда.

Ксандер*21 год*

Когда Ким сказала, что хочет выйти замуж в этом месте, я подумал, что она шутит.

Но мне следовало бы знать лучше. С моей Грин не шутят о таких вещах.

Я поправляю манжеты пиджака, ожидая, когда она появится в конце прохода.

Организатор свадьбы превратил маленький парк, где мы играли в детстве, в кусочек, вырезанный с небес. Огни падают на деревья и образуют дорожку по обе стороны от того места, где сидят гости.

Место уютное и маленькое, и мы пригласили только тех, которые действительно имеют значение для нас обоих. Излишне говорить, что ни моя мать, ни мать Ким не были приглашены.

Джанин прислала поздравительную открытку, на которую Ким едва взглянула, прежде чем сунула её в середину бесконечных свадебных подарков, которые мы получили.

Нам не нужна токсичность наших матерей в нашей жизни. Во-первых, эти женщины никогда не должны были рожать детей, и, хотя со временем я смог смириться с этим фактом, Ким другая. Она любит слишком сильно и не держит зла.

Доказательства? Она простила меня, когда я не должен был быть прощён.

Она также простила Сильвер, которая в настоящее время стоит с Эльзой напротив Ронана и меня. Она не только восстановила свою дружбу с Сильвер, но и как будто этих лет между ними никогда не существовало. Это

заняло у них несколько неловких моментов во время учёбы в университете, но вскоре они вновь стали теми двумя девушками, которые врываются к Эйдену, Коулу и мне, когда мы были маленькими, и требовали поиграть с нами.

Сильвер и Ким из тех времён были настолько близки и неразлучны, что иногда я ненавидел Сильвер.

Что? Ким была не единственной, кто собственнически относился к чужому времени. Мне не нравилось, что у неё была общая связь с каким-либо другим человеком. Я всё ещё не верю, но сейчас я лучше умею идти на компромисс — я думаю.

— Прекрати! — Ронан шепчет-кричит мне на ухо. — Ты выставляешь меня шафером неудачником из-за своего беспокойства, *connard* — *мудак*.

— Заткнись нахуй, Рон. Ты уже женат.

— Это да.

Он подмигивает Тил, которая стоит рядом с Сильвер, и она с улыбкой качает головой. От меня ускользает, как она ежедневно справляется с этим несчастьем-мужчиной.

— Ты не должен шуметь на свадьбах. — говорит Коул со своего места рядом с Ронаном.

— Ты вообще не должен был быть здесь, Коул. — ворчу я, а затем бросаю взгляд на Эйдена. — Ты тоже, Кинг.

— Бред. — говорит он. — Если Эльза здесь, я тоже имею право быть здесь.

— Кроме того. — Коул тычет Ронана пальцем. — Если бы у тебя был только Ронан, твоей свадьбе было бы суждено провалиться ещё до того, как она начнётся.

— Эй... — Ронан открывает рот, вероятно, чтобы проклясть его, но останавливается на полуслове, когда появляется Ким, одной рукой держащая Кэлвина за руку, а другой — Кириана.

В то время как оба одеты в смокинги, у Кириана белый, как цвет платья его сестры. Ему всего двенадцать, но он уже так вырос, и настоял, что тоже отведёт Ким, потому что он её брат и защитник.

Этот малыш уже не такой маленький.

Мне требуется несколько секунд, чтобы полностью впитать Кимберли. То, как её каштановые волосы с зелёными прядями ниспадают на плечи. То, как её белое платье украшено зелёной лентой посередине, чтобы соответствовать яркому цвету её глаз.

Когда её взгляд встречается с моим, она слегка прикусывает нижнюю губу, прежде чем отпустить её.

Трахните меня.

Эта девушка станет моей смертью. Этого не было, когда мы были детьми, но сейчас это точно произойдёт.

Я жду, пока она подойдёт ко мне, затем Кэлвин кладёт свою руку в мою. Мы с моим биологическим отцом обмениваемся взглядами, прежде чем он улыбается и отпускает её.

— Тебе лучше позаботиться о Кимми, Ксан. — Кириан прищуривается, глядя на меня. — Это твоё первое и единственное предупреждение.

Мы с Ким оба улыбаемся, когда я ерошу его волосы.

— Конечно, будет сделано, Супермен.

Выглядев удовлетворённым, он следует за своим отцом туда, где сидит мой. Глаза Льюиса яркие и сияющие, когда он наблюдает за нами вместе. Он мог быть биологическим отцом Ким, но он всегда оставался моим. Точно так же, как Кэлвин принадлежит ей.

Взяв её руки в свои, я притягиваю её ближе, пока не чувствую её запах. Только это не духи проникают в мои кости. Это запах лета — травы и фисташкового мороженого, которое она лизала в тот день, когда нам было по шесть, и она назвала меня своим рыцарем.

Это случилось в том же парке, под тем же деревом, когда я преклонил перед ней колени, и она благословила меня, как своего рыцаря, бамбуковым мечом.

Вот почему она хотела выйти замуж здесь. Ким сказала, что это место напоминает ей о том времени, когда она действительно хотела быть со мной навсегда. Время, когда она знала, что всегда будет моей Грин, а я всегда буду её рыцарем.

Нет лучшего места для нашего вечного союза.

Моя история с Ким, возможно, была не самой лучшей. Всё могло бы пойти по-другому, да, но, если бы это было так, мы бы не встретились на полпути, как будто, так и должно было быть.

Она бы не преодолела своих демонов, психическое насилие со стороны матери и депрессию, которая разъедала её душу.

Точно так же я не смог бы оставить тень, которую моя мать оставила в моей жизни, или преодолеть свои проблемы с алкоголизмом.

Сегодня я трезв уже три года. Время от времени я пью разбавленные напитки и только тогда, когда рядом Ким, потому что она компас, который каждый раз направляет меня прямо. Точно так же, как она делала, когда нам было по восемнадцать.

Ким часто говорила мне, что души притягиваются друг к другу и что моя душа дополняет её.

Она ошибается. Моя душа не дополняет её душу. Если бы не она, моей души бы не существовало.

Вот как глубоко она влияет на мою жизнь. Вот как далеко я зашёл ради этой девушки.

Каждый день я просыпаюсь и поклоняюсь её телу, как маленькому показу того, как сильно она занимает каждое моё мгновение бодрствования и сна. С годами она стала более уверенной в себе и своём теле. Однажды она сказала мне, что я лучшее, что могло с ней случиться.

Всё как раз наоборот.

Кимберли зелёный цвет моей жизни. Причина, по которой я стою прямо здесь без грёбаной кучи пристрастий, свисающих с моих плеч. Если бы я не нашёл её снова, я бы закончил так же, как моя мать, скитаясь где-то на земле, обманывая людей и выпрашивая каплю алкоголя.

Ким спасла меня, и теперь я стану её щитом на всю оставшуюся жизнь.

Всё ещё держа её руку в своей, я опускаюсь на колени. В толпе раздаётся ропот, но я не обращаю на него внимания. Все моё внимание приковано к девушке, которая смотрит на меня со слезами на глазах.

— Когда нам было шесть, ты назвала меня своим рыцарем, и я был бы польщён, если бы ты повторила это снова, Грин.

Она улыбается, её глаза немного закрываются от счастья, когда она отпускает одну из моих рук и похлопывает меня по каждому плечу.

— Ты никогда не переставал быть моим рыцарем, Ксан.

— И ты никогда не переставала быть моей Грин, Ким.

Ронан*20 лет*

Вот и рушится мой план жениться, когда мне будет тридцать пять или сорок.

Серьёзно, я даже планировал остаться холостяком на всю жизнь, как Ларс.

Но, эй, все не всегда идёт так, как планировалось, не так ли?

Однажды я спокойно сидел, курил травку, а потом в мою жизнь ворвался разрушительный шар в виде крошечной девушки. И теперь я не мог отпустить её, даже если бы захотел.

Видишь ли, Тил не просто моя невеста — поправка, моя жена через несколько минут — она также единственный человек, о котором я никогда не знал, что нуждаюсь, пока она не появилась у меня.

Единственный человек, который проник сквозь мою плоть и схватил меня за горло. Ну, я тот, кто иногда хватает её за горло, но, образно говоря, это делает она.

Ксандер продолжает тыкать меня в бок и покачивать бровями, глядя на меня, и я почти готов сбросить его в бассейн. Единственная причина, по которой я этого не делаю, заключается в том, что никому, кроме моей Тил, не позволено быть главным событием сегодня.

Мы выбрали свадьбу в особняке моих родителей. Я мог бы сказать, что у Ларса был отличный день со всеми приготовлениями. Он отказал всем организаторам свадеб, сказав, что они любители и понятия не имеют, как на самом деле всё делается.

Он превратил сад в зону отдыха с кружевными лентами, украшающими деревья, и огнями, сияющими по всем дорожкам. Затем он превратил бассейн

в приёмную. Когда Тил сказала ему, что это красиво, он ответил: «Конечно, красиво. Я сделал так, чтобы было красиво».

Она рассмеялась и поблагодарила его, и он проворчал что-то в ответ, прежде чем исчезнуть внутри — вероятно, чтобы написать в своей чёрной книге о том, как Тил не хватает благородных манер.

Мама помогала со всем процессом, не отходя от Тил ни на секунду. С тех пор как она восстановила своё здоровье и смогла свободно передвигаться, она поставила перед собой задачу быть в курсе каждого момента моей жизни.

Папа тоже, хотя и не говорит об этом откровенно. Мы договорились, что мама никогда не узнает об Эдуарде ублюдке, и думаю, что с тех пор, как этот подонок умер, мы с отцом стали ближе, чем раньше. Словно мы вернулись в те времена, когда я был ребёнком, и бежал к нему всякий раз, когда совершал что-то захватывающее — или, когда Ларс заставлял меня пить чёртово молоко.

Мы идеальная семья? Далекое не так. Но и мои родители, и Ларс — лучшая семья, о которой я только мог мечтать.

Мой взгляд падает на троих из них, сидящих в первом ряду, и я ухмыляюсь. Ларс. *Сидящий*. Я знаю. Не помню, когда в последний раз видел, как он опускал свою задницу. Но я сказал, что ему нельзя стоять во время свадьбы, иначе я выгоню его.

Некоторое время он ворчал своим снобистским тоном, но, очевидно, я победил, потому что он подчинился.

Эльза спускается к нам, рядом с ней Нокс. Он не выполняет никакой роли, кроме как злит Эйдена, который пристально смотрит на него со своего места, в то время как Нокс улыбается от уха до уха.

После того, как он доставляет Эльзу на её место в качестве подружки невесты, он целует её в щеку и отступает. Я удивлён, что Эйден не вцепляется ему в глотку здесь и сейчас.

Вскоре после этого появляется Тил, держа Итана за руку.

На ней длинное чёрное платье с пышной юбкой и кружевным лифом. Некоторые люди останавливаются и пялятся на её нетрадиционный выбор, но моя ухмылка становится еще шире.

Putain — Чёрт.

Именно так я представлял себе *ma belle* — мою красавицу, когда она сказала, что наденет свой любимый цвет в свой любимый день.

Она сказала мне, что у испанцев по происхождению ношение чёрного свадебного платья означает посвящение брака до самой смерти.

Мне нравится эта идея.

На самом деле, мне так нравится эта идея, что я был бы разочарован, если бы она надела обычное белое платье.

Тил ненормальная и никогда такой не будет. Это лишь ещё одно доказательство того, как глубоко и далеко она заходит.

Ничто не удерживает её от выражения своих мыслей, и, хотя это иногда сводит меня с ума, я не могу насытиться ею или её саркастическими ответами. Или как она держится за меня, будто я её мир. Как будто она так же взволнована тем, что нашла меня, как и я тем, что нашёл её.

Моё любимое время дня это когда она забирается ко мне и обнимает меня перед сном, потому что так она чувствует себя в безопасности.

Моя любимая часть это когда она произносит моё имя с той мягкостью, которую не показывает никому, кроме меня.

Моё любимое блюдо это когда она пытается что-то приготовить и заставляет меня сначала попробовать это на случай, если это мусор.

Моё любимое занятие это когда мы бежим вместе и бросаем вызов друг другу в том, кто первым закончит свой круг.

Мой любимый человек это *она*.

Я никогда не думал, что подпущу кого-то так близко, до такой степени, что он станет моим любимым. Или что они станут центром моей жизни.

Но вот мы здесь, и вот она.

Ma belle — Моя красавица. Моя любовь. Моё всё.

Был момент, когда я ненави́дел себя и находил убежище в других людях. Был момент, когда она избегала людей и уходила в себя.

И хотя иногда эти воспоминания возвращаются снова, мы больше не убегаем от них. Я беру её за руку, и мы разговариваем с доктором Ханом, психиатром Эльзы, которого она нам рекомендовала.

Сначала Тил на самом деле не хотела разговаривать, но теперь она ещё более открыта, чем я.

Мы говорим о наших механизмах преодоления. О том, как она справилась со своей травмой и как я справился со своей.

Мы не осуждаем друг друга. Нахуй всех, кто судит, как выжившие справляются со своей травмой. Просто потому, что некоторые относятся к этому по-своему, не означает, что весь мир должен поступать так же.

Травма это хроническое заболевание, с которым каждый человек справляется по-разному. Травма это рак, который может съесть вас изнутри, если вы каким-то образом не придумаете механизм преодоления.

Возможно, мы с Тил и совершали ошибки, но именно так мы учились. Вот как мы дошли до этого момента, когда мы становимся единым целым. В прямом и переносном смысле.

Это ненормально, когда двое молодых людей женятся в двадцать, но мы с Тил никогда не были нормальными.

Мы знали это с самого начала и признаём это. Кроме того, как она мне сказала, мы уже знаем, чего хотим, так какой смысл откладывать дальше?

Она всегда была моей так же, как я принадлежу ей, и в мире нет силы, которая могла бы это изменить.

Прежде чем Итан успевае́т отдать её мне, я прижимаю её к себе, моё нетерпение берет верх. Она улыбается, её яркие тёмные глаза сияют от движения.

— Что думаешь? — шепчет она.

— Я думаю, что ты моя до самой смерти, *ta belle* — *моя красавица*.

— И ты мой, Ронан.

Я целую её еще до начала церемонии. В зале раздаётся смех, но мне наплевать на них.

Всё это формальность. Мы с Тил всегда принадлежали друг другу.

Мы просто не знали об этом в то время.

Теперь знаем.

Теперь ничто не помешает нам завладеть миром и оставить позади наши ужасные переживания.

— Я люблю вас, миссис Астор. — бормочу я ей в губы, отстраняясь.

Она улыбается мягкой, захватывающей дух улыбкой.

— И я люблю вас, мистер Астор.

Коул

28 лет

Хаос действует непредсказуемым образом.

Когда я впервые встретил его после похищения, я подумал, что со мной что-то не так, и мне нужно это что-то скрыть.

Пока я не пошёл в тот парк и не увидел его снова.

Пока я не увидел Сильвер в её самой настоящей, самой грубой форме. Это был другой тип хаоса, и я не чувствовал необходимости прятаться.

Не от неё.

Никогда от неё.

Это она увидела мой хаос и взяла его обеими руками, как будто он всегда принадлежал ей.

Это она схватила меня, толкнула на ту скамейку и оседлала мои колени, чтобы я не ушёл. Не то чтобы я мог после этого момента.

Невидимая нить связывала нас вместе, и, черт, ничто не могло её разорвать.

Ну и что с того, что в какой-то момент мы были братом и сестрой? По моему, она была моей ещё до того, как это произошло.

Ну и что с того, что сначала она была помолвлена с этим ублюдком Эйденем? Это никогда не было реальным. Она и я реальны. На самом деле, мы всегда были реальными. Это могло начаться, когда она пролила на меня свои блестящие слезы, или, когда впервые поцеловала меня в щеку, или, когда спасла меня в первый раз, точно так же, как я спас её.

— Ты не спас меня в первый раз. — сказала она мне на днях, когда мы отдыхали у бассейна в доме её родителей.

На ней было бикини, и я отвлекся, думая о том, как заставить её снять его, но в то же время я не хотел, чтобы кто-нибудь из персонала видел её обнажённой. Мне даже не нравится, что они видят её в бикини.

Я поправил очки и наклонил книгу *«Калила и Димна»*. Это специальное издание в мягкой обложке, которое она подарила мне на мой день рождения после того, как ублюдок Ронан сжёг мою предыдущую книгу в приступе ревности.

— Да, я это сделал.

— Нет, ты этого не делал. — она впиалась в меня взглядом, и, хотя на ней были огромные тёмные очки от Шанель, я почувствовал злобу в её голубых глазах. — После того, как ты поцеловал меня, когда нам было четырнадцать, ты сказал, что я не так уж плох по сравнению с другими.

Я улыбнулся.

— Ты помнишь это.

— Конечно, помню, придурок. Это был мой первый поцелуй.

— Это был и мой первый поцелуй тоже.

— Но ты сказал...

— Я сказал это только потому, что твой первый вальс был с Эйденем.

Моя кровь все еще кипела, думая об этом. Этот ублюдок будет расплачиваться за это всю оставшуюся жизнь.

Губы Сильвер растянулись в улыбке, прежде чем она прочистила горло.

— Ты... ты невероятен.

— Это должно быть новостью, Бабочка?

Она сняла очки, открыв свои тёмно-синие глаза, затем встала со стула и оседлала мои колени, совсем как в тот день в парке. Вид снизу был таким же — неземным и захватывающим дух.

Она убрала мои авиаторы, потому что, как она всегда мне говорила, ей нравится видеть мои глаза — или, скорее, видеть себя в моих глазах.

— Значит, я была твоим первым поцелуем. — пробормотала она.

— Да.

Она вздёрнула подбородок.

— И последним.

— И последним.

Затем я проглотил её, пока Синтия не присоединилась к нам и не обломала меня.

Она делает это время от времени, просто чтобы увидеть мою реакцию, и я делаю это с ней при каждом удобном случае, когда она хочет побыть наедине с Себастьяном.

Что? Иногда я действительно держу обиду.

Вот почему Эйден сегодня мой шафер. Это не из-за его навыков — которые, кстати, ужасны, а потому, что я хочу, чтобы он увидел, что Сильвер моя. Возможно, когда-то он был её фальшивым женихом, и я не могу это стереть; однако я могу заставить его смотреть, как я женюсь на ней.

Не то чтобы его это волновало, так как у него есть Эльза, но мне нужно закрепить этот момент. Все эти годы я думал, что она принадлежит ему, молча страдал, и не хочу когда-нибудь снова испытать эти чувства. Чувство, когда меня загоняют в угол, пока я не смогу спать по ночам.

Мои мысли останавливаются, когда Сильвер появляется в проходе, её рука в перчатке лежит на руке Себастьяна.

Я восхищаюсь тем, как свадебное платье облегает её изгибы, когда песок перемещается под её ногами, оставляя за собой следы. Мой взгляд поднимается снизу-вверх, пока меня не захватывают яркие глаза. Она улыбается так застенчиво, но решительно, как она делала, когда мы были молоды.

Наша свадьба состоится на маленьком пляже в том же французском городке, где я впервые поцеловал её, держал за руку и гулял, положив ладонь ей на спину перед людьми.

В первый раз, когда мы были свободны, даже несмотря на то, что пережили потерю нашего новорождённого ребёнка. В первый раз Сильвер

поцеловала меня, не сдерживаясь. Это было также, когда мы вместе делали наши татуировки.

Теперь мы снова вспоминаем эти моменты в памяти. Только теперь это на виду у всего мира. Мы были на публике в течение некоторого времени, но брак скрепляет сделку раз и навсегда.

Прошло уже десять лет. Десять грёбанных лет с тех пор, как она стала моей, и двадцать лет с тех пор, как я увидел её в том парке и решил, что она будет моим хаосом.

Но в том-то и дело, что Сильвер не только мой хаос, но и покой. Дом, в который я возвращаюсь каждый день.

Нам пришлось долгое время держать наши отношения в секрете, и, хотя мне нравилось красть её у людей, связывать или трахать в тёмных углах, мне нужно, чтобы мир узнал правду, которую я знал с тех пор, как мне было восемь лет, чёрт возьми.

Сильвер принадлежит мне так же, как я принадлежу ей.

Тот факт, что я наконец-то могу крикнуть об этом всему миру, наполняет меня странным чувством, которого я никогда раньше не испытывал.

Головокружение? Нервозность?

Или, может быть, это... счастье.

До Сильвер я не знал, что означает это слово. После неё это просто означает...моя Бабочка. Мой хаос. Мой мир.

Она понимает, когда мне нужен вызов, и не уклоняется от встречи со мной лицом к лицу. Вот что мне больше всего нравится в Сильвер. Тот факт, что она никогда не отступает и никогда не сдаётся. На самом деле, ей нужен вызов так же сильно, как и мне, и именно поэтому она идеальная девушка для меня.

И поскольку это так, я намерен прожить остаток наших жизней, доказывая этот факт.

Себастьян целует свою дочь в щеку, прежде чем передаёт её мне.

Её улыбка все еще застенчива, но голубые глаза? Чёрт, как они на меня смотрят.

Это я одержим желанием увидеть себя в её глазах, а не наоборот. Я тот, кто не может насытиться тем, как они смотрят на меня.

— Заметил что-нибудь? — она шепчет.

— Что?

— Ничего? — ее губы складываются в очаровательную гримасу.

— Ты уже должна знать, что я замечаю в тебе всё. — я указываю на ленту её платья с брошью-бабочкой на ней. — Грёбаные бабочки.

— Если ты назовёшь их тараканами с крыльями, я убью тебя.

Я усмехаюсь, притягивая её к себе, потому что расстояние, между нами, это богохульство.

— Они яркие и красивые и делают людей счастливыми, как и ты, моя Бабочка.

Её щеки приобретают глубокий оттенок красного.

— Тогда ты важнее их, потому что ты делаешь меня счастливой, Коул. Ты делаешь меня такой счастливой.

— И я буду продолжать.

— Мы действительно собираемся пожениться? — она шепчет. — Я всё ещё думаю, что это сон.

— Давай свяжем себя узами брака здесь, и я покажу тебе позже, сон это или нет, миссис Нэш.

Её губы приоткрываются, и меня охватывает желание поглотить её, поэтому я так и делаю. Я завяжу наш собственный узел раньше, чем кто-либо другой сможет это сделать.

Я принадлежу ей.

Она моя.

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

Астрид

— Я не могу за тобой угнаться. — я смеюсь, когда Леви берёт меня за руку, пока мы бежим под дождём.

Несмотря на то, что мы всегда так делаем, и я вроде как привыкла стоять под дождём, когда нахожусь в его компании, я действительно не могу угнаться за его длинными спортивными ногами.

В конце концов, он футболист, а я всё ещё не переношу физическую активность, как бы Леви ни пытался внедрить это во мне.

Он останавливается, его пальцы все еще переплетены с моими, и смотрит на меня, тяжело дыша.

Мы в Вегасе.

Без шуток.

Когда я рассказала Леви историю о том, как мои родители поженились здесь и что я хотела бы однажды посетить этот город, он удивил меня медовым месяцем в Вегасе.

Город грехов никогда не выглядел более грешным, чем, когда Леви смотрит на меня своими глубокими голубыми глазами. Его влажные светлые пряди беспорядочно падают на лоб, затеняя угловатые черты лица и острый подбородок.

Мы здесь уже несколько дней, и каждый из них кажется кусочком, вырезанным из рая. Я всё ещё не привыкла к тому факту, что этот мужчина, который является воплощением сильного викинга, заботливого и заботливого, на самом деле мой муж.

Мечтательные дни, которые мы провели здесь, гуляя и трахаясь в каждом углу, не помогли, потому что после свадьбы у меня не было возможности остановиться и осознать тот факт, что я принадлежу ему так же, как он принадлежит мне. Что теперь я Астрид Элизабет Клиффорд Кинг. И

моё полное имя, хотя и чертовски длинное, лучшая форма, какой оно когда-либо могло быть.

У меня не было возможности посмотреть, как он засыпает, и сосчитать его ресницы, или подглядывать за ним, чтобы я могла нарисовать его позже.

Каждый день он изматывает меня до такой степени, что я сплю в его объятиях, как котёнок, и встаю только для того, чтобы он мог увести меня в другое приключение. Неважно, казино это, ресторан или подпольные клубы, где он может заполучить меня всю для себя в тускло освещённых углах.

— Давай, Принцесса. — он улыбается мне сверху вниз, лаская мои щёки в своих больших ладонях, и наклоняет моё лицо вверх, пока всё моё окружение не заполняется его присутствием. — Это все на что ты способна?

Несмотря на нашу разницу в росте, я подхожу ближе и провожу пальцами по его волосам, приводя золотистые пряди в порядок. Мне всегда нравился цвет его волос, и не только потому, что он похож на викинга. Это единственный цвет, который ему подошёл бы.

Хотя у других мужчин Кинг, Джонатана и Эйдена, тёмные волосы, у Леви светлый оттенок, и одно это показывает, насколько он особенный. Он скроен из необыкновенной ткани, чтобы принадлежать только мне.

— Я скучаю по тебе. — бормочу я.

Всё ещё сжимая мои щёки, он постукивает большим пальцем по моему носу.

— Я был здесь все это время.

— Я скучаю по тебе, даже когда ты рядом. Это безумие, не так ли?

Он один раз качает головой.

— Я тоже. Я скучаю по тебе, когда не могу дышать тобой. Когда не могу слышать твой голос или прикасаться к тебе. Я скучаю по тебе, когда думаю, что мне придётся тебя покинуть.

— Леви...

— Так что не позволяй мне скучать по тебе. Я становлюсь чертовски сварливым, когда это делаю, и это плохо для всех, кто находится рядом со мной в это время.

— Я не буду, если ты не позволишь мне скучать по тебе.

— Об этом не может быть и речи. Даже когда ты станешь старой, седой и устанешь от меня, Принцесса.

Я смотрю на него сквозь затуманенное дождём зрение.

— Я никогда не устану от своего мужа.

Его ухмылка становится шире, пока искра не загорается в тёмно-синих глазах.

— Мне это нравится.

— Как ты мне не надоешь?

— Это тоже, но также и та часть, где ты называешь меня своим мужем, жена.

— Мне это тоже нравится.

Он наклоняется и трётся своим носом о мой.

— Я полагаю, это означает, что мне нужно завершить наш брак.

— Ты уже сделал это. Несколько раз.

— Несколько раз, да? Ты считала, принцесса?

— Как будто я когда-нибудь смогу это посчитать. — мои щёки пылают, вспоминая все позы, в которых он меня брал. — Ты трахал меня везде.

— Только не под дождём.

И с этими словами он поднимает меня на руки. Я визжу, когда он бежит со мной, обернувшись вокруг него.

Мои пальцы крепко сжимают его плечи, когда я смеюсь от полного восторга.

Лучший медовый месяц в моей жизни.

Эльза

Когда Эйден упомянул, что Джонатану принадлежит остров, я подумала, что он шутит.

Как бы не так.

Мне следовало бы знать, что мой тесть, Джонатан Кинг, более чем способен владеть островом. Это даже не должно было стать неожиданностью.

Именно там мы решили провести медовый месяц, и я не сомневаюсь, что это еще один из методов Эйдена, чтобы полностью завладеть мной.

Не то чтобы я жалею.

Во время свадебных приготовлений я едва успевала проводить с ним время. Меня всегда окружали Ким, Тил, Астрид, Нокс и даже Сильвер, которые помогали мне выбирать платье.

Тот факт, что Ким простила её, не оставил мне никаких причин злиться на Сильвер. Особенно после пьяного разговора, который у нас состоялся однажды ночью, обо всём, что произошло в последние годы правления Королевской Элиты.

Сильвер всегда смотрела только на Коула, и моя ревность к ней была неуместной. Похоже, Эйден не единственный собственник с иррациональной жилкой. Кроме того, я всё ещё чувствую себя виноватой за то, что ударила её в тот раз в доме Эйдена, когда она никогда не нападала на меня.

После того, как я узнала, что она подозревала, что в то время была беременна, я извинилась, и она извинилась за всё остальное — особенно за то, что отвернулась от Ким несмотря на то, что тайно проверяла её.

С тех пор мы с Сильвер принадлежим к одному кругу друзей. В конце концов, у нас с Тил и Ким есть что-то общее.

Так что из-за оживлённой атмосферы во время подготовки к свадьбе я не совсем насытилась Эйденем. И девочки провели со мной ночь перед церемонией, чтобы он не смог прокрасться и увидеть меня до большого дня.

Не то чтобы это его остановило. Он стоял под моим балконом и послал мне несколько сообщений, которые заставили меня ухмыльнуться, как идиотку.

Эйден: Прошлой ночью порознь, милая.

Эльза: Мы уже живём вместе.

Эйден: Это не считается. У тебя нет моей фамилии.

Эльза: Это важно?

Эйден: Чёрт, да, это важно. Ты официально моя, милая, и не уйдёшь от меня, как тогда, когда нам было по восемь.

Эльза: Эйден... В то время я этого не помнила. Ты собираешься вечно обижаться из-за этого?

Эйден: Я никогда не буду держать на тебя зла, пока ты рядом со мной, милая.

Я заснула с улыбкой на лице от его слов. В каком-то смысле я знала, что Эйдену не понравилось, что я забыла о нём, и, поскольку это всё ещё причиняет ему какую-то боль, я проведу остаток своей жизни, избавляясь от этой боли.

То, что он какой-то социопат, не значит, что ему не причинят вреда. Это означает только то, что он выбирает разные методы, действуя в соответствии с этим.

В настоящее время мы стоим на вершине водопада, откуда открывается вид на самое завораживающее бирюзовое море, которое я когда-либо видела.

Вода каскадом низвергается вниз, встречаясь с поверхностью с плеском.

— Ого. — я фотографирую с разных ракурсов. — Вид завораживает. Кто знал, что у Джонатана такой хороший вкус.

— Нет. — сильные руки обхватывают меня сзади за талию, когда Эйден кладёт подбородок мне на макушку. — Он выиграл его в покер.

— Тем не менее, он владеет им.

— Что означает, что он тоже принадлежит мне.

Я улыбаюсь, всё ещё делая снимки. Эйдену не нравится, когда я выражаю благоговение перед кем-либо, даже если это его сорокачетырехлетний отец. Не то чтобы я когда-нибудь сблизилась бы с Джонатаном. Он всё ещё ужасен, как чёрт, и очень сильно обижен на моего отца — и на меня, соответственно.

Эйден выхватывает у меня телефон и бросает его поверх маленькой сумки, которую мы взяли с собой в поход.

— Эй! — я поворачиваюсь к его груди. — Я использовала его.

— Больше нет. — выражение его лица остаётся прежним. — Кроме того, ты здесь из-за фотографий или из-за меня?

— Фотографий. — я прячу свою озорную усмешку. — Определённо фотографий.

— Ты играешь с огнём, милая.

Я смотрю в его глубокие серые глаза и угловатые черты лица, которые со временем только обостряются. Эйден из Королевской Элитной Школы, возможно, и был красив, но теперь он смертоносен. Зная, что он, вероятно, вырастет таким же безжалостным красавцем, как его отец, я не могу не испытывать головокружения оттого, что на каждом шагу рядом с ним.

Мы уже потеряли десять лет нашей жизни порознь. Больше не будет напрасной траты времени.

Я встаю на цыпочки и прикасаюсь губами к его губам.

— Я думала, что игра с огнём приходит вместе с тем, чтобы быть твоей.

— Блядь. — его хватка крепче сжимает мою талию. — Ты всё, о чём я мог только мечтать.

— И ты мой.

— Даже когда я тебя бешу?

Я вздыхаю.

— Даже когда ты выводишь меня из себя. Мне нравится не только твоя защитная сторона, Эйден. Я влюбилась во всё в тебе.

Эйден прижимается своим лбом к моему, так что я захвачена его серыми радужками.

— Ты была создана для меня, милая.

— И ты был создан для меня.

Его глаза сверкают садизмом.

— Ты мне доверяешь?

— Безусловно.

Эйден крепко хватает меня и тащит к краю. Я кричу, когда мы падаем вниз.

Это не страх овладевает мной. Это полное, абсолютное волнение, потому что, находясь в объятиях Эйдена, и не сомневаюсь, что все будет хорошо.

Он сказал, что я когда-то спасла его.

Чего он не знает, так это того, что он тоже спас меня.

Кимберли

Когда Ксан сказал, что мы проведём наш медовый месяц в замке, я не думала, что это будет *настоящий* замок.

Понятия не имею, как он вообще заполучил весь этот особняк в наше полное распоряжение.

В этом районе Йоркшира много замков из-за войн, которые происходили в Средние века, но в этом есть что-то особенное.

Я бегу вверх по лестнице, наполовину спасаясь от безжалостных лап Ксана, наполовину пытаюсь выяснить, почему у меня интуиция, что это особенный замок.

Мои ноги останавливаются, когда я достигаю вершины, и это не из-за захватывающего вида на поля внизу, хотя это играет определённую роль.

Это весь образ высоких башен и террасы. Каменные перила и гладкий пол, которые придают ностальгический вид.

Все так знакомо.

Твёрдое тело врзается в меня сзади, и я визжу, теряя равновесие. Ксан обхватывает меня сильными руками за талию, удерживая на месте, и разворачивает лицом к себе.

Он тяжело дышит, вероятно, из-за бега по старой лестнице. Я, с другой стороны? Я совсем перестаю дышать.

На мгновение я теряюсь в глубокой волшебной синеве его глаз, в непокорных светлых прядях, падающих на его лоб, в том, как он прижимает меня к себе, будто боится отпустить.

Я обвиваю руками его тонкую талию, потому что, в некотором смысле, я также боюсь потерять его. Мысль о том, что его не будет в моей жизни после того, как я, наконец, нашла его снова, иногда вызывает кошмары. Тип, с которым он поддерживает меня и уговаривает полностью забыть об этом.

Он приподнимает идеальную бровь.

— Думала, что сможешь сбежать от меня, Грин?

— Я не убегала.

— Не то чтобы ты могла с такими короткими ногами.

— Эй!

— Или с твоей выносливостью.

— Я работала над её улучшением!

— Ты имеешь в виду, что мы работаем над её улучшением. —

подмигивает он.

Мои щеки пылают, и я смотрю в сторону.

— Заткнись.

Он кладёт два пальца мне под подбородок и переключает моё внимание обратно на него.

— Я говорил тебе, что ты такая чертовски очаровательная, когда стесняешься?

— Я больше не ребёнок.

— Нет, не ребёнок. Это не значит, что ты менее очаровательна, Грин.

— он щипает меня за щеку, и я отбрасываю его руку, борясь с приливающей к лицу кровью.

Его внимание остаётся прикованным ко мне, когда красивая, останавливающая сердце улыбка скользит по его губам. Не имеет значения, сколько раз я вижу эту улыбку или как долго я провожу с ним. То, как появляются эти ямочки, всегда будет моей слабостью. Я не могу удержаться, чтобы не остановиться и не уставиться, и, вероятно, выгляжу как идиотка.

Этот человек теперь мой муж.

Мой. Муж.

Мужчина, с которым я разделю всю оставшуюся жизнь.

Мне так повезло, что я нашла его, когда мы были молоды. У нас была связь ещё до того, как мы узнали, что это такое. Вся разлука, между нами,

хоть и жестокая, превратила нас в тех, кто мы есть сегодня, и я бы не хотела, чтобы было по-другому.

Никто из нас не идеален, но мы идеально подходим друг другу. После КЭШ мы восстановили наши отношения из прошлого. Даже если мы не во всем согласны, мы не конфликтуем. Мы не злимся друг на друга слишком долго.

Каждую ночь мы снова забираемся в объятия друг друга и вздыхаем, засыпая.

Это даже лучше, чем все любовные романы, которые я читала. Они вымышленные, но мой Ксан настоящий.

Очень реальный.

Он самое настоящее, что есть в моей жизни, и ничто этого не отнимет.

— Грин!

— Хм?

Он что-то говорил?

— Я спросил, зачем ты пришла сюда?

— О, из-за... вида.

— Какого вида?

— Замок. Разве это не похоже на одну из тех детских книг от бабушки?

Он широко улыбается, его ямочки становятся глубже.

— Ты заметила.

— Ты сделал это нарочно?

Он делает притворный реверанс.

— Твой рыцарь всегда к твоим услугам, моя королева.

— Боже.

Я не могу удержаться от идиотской улыбки. Должно быть, ему потребовалось много копать, чтобы найти что-то отдалённо похожее на то, что мы читали вместе.

Я глажу его по щеке, большим пальцем поглаживая кожу.

— Мне так повезло, что у меня есть ты.

— Всё наоборот. Я счастливый ублюдок, потому что ты есть в моей жизни, потому что ты простила все мои ошибки и выбрала меня. Я потрачу остаток своей жизни, чтобы загладить свою вину перед тобой, Грин. В конце концов, ты сделала ставку на меня, когда назвала меня своим рыцарем.

— А теперь я миссис Найт.

— Мне нравится моя фамилия на тебе.

— Мне тоже.

Он прикасается своими губами к моим, и, хотя это ненадолго, моё дыхание прерывается, и я еще сильнее прижимаюсь к твёрдым выпуклостям его тела. В прошлом между нами было слишком большое расстояние, и я ни за что не позволю этому повториться.

Но даже на таком расстоянии мы видели друг друга. Мы чувствовали тьму и демонов друг друга, и думаю, именно поэтому мы теперь неразлучны.

Вот почему мы ценим каждое мгновение, проведённое в объятиях друг друга.

Мы ничего не принимаем как должное, потому что жизнь предназначена для того, чтобы жить в полной мере.

— Ты знаешь, что я люблю тебя, Грин?

Я смеюсь.

— Ты вроде как говоришь мне об этом каждый день.

— Этого недостаточно. Ничего не бывает достаточно, когда я с тобой.

Теперь скажи это.

— Что?

— Что ты тоже любишь меня.

— Что, если я прекращу?

— Ты не сделаешь этого.

— Слишком высокомерен, Ксан?

— Нет, но я буду бороться за твою любовь снова и снова, если придётся.

— Как будто я когда-нибудь перестану любить тебя. Моё сердце и моя душа принадлежат тебе, Ксан. Они всегда были твоими.

— Ты кое-что забыла.

— Что?

— Твоё тело тоже моё.

Я визжу, а затем раздражаюсь хихиканьем, когда он поднимает меня на руки и бросает на деревянную скамейку.

И снова по кругу.

Тил

— Готова, *ta belle* — моя красавица?

Нет.

Я далека от того, чтобы быть готовой. На самом деле, я хочу доползти до нашего гостиничного номера.

Вместо того, чтобы выглядеть трусихой, я медленно потираю бицепс Ронана, что стало моим знаком, когда я хочу, чтобы он трахнул меня.

Хотя на самом деле я не часто им пользуюсь, потому что он обычно готов к тому, что мне придётся ему что-то сказать.

Я встаю на цыпочки, чтобы прошептать ему на ухо.

— Давай вернёмся в отель, и ты сможешь провести три раунда.

Его глаза темнеют, и я чувствую, как его выпуклость растёт у моего живота.

Я никогда не привыкну к тому, как легко я могу завести Ронана.

Иногда достаточно одного прикосновения, и он более чем готов опустошить меня до бесчувствия, даже в общественных местах.

Но только не здесь.

Мы стоим на вершине моста Колосс близ Милана, и тут слишком много людей, чтобы он мог действовать по своему желанию.

— Чёрт, *belle* — красавица. — бормочет он себе под нос. — Когда ты решила заняться даванием как работой?

С тех пор, как я познакомилась с ним, но я этого не говорю. Вместо этого я провожу пальцами по твёрдым мышцам его груди и спускаюсь к талии, заставляя его стонать.

Он хватает обе мои руки в свои и прижимает их к своей груди. Хитрая улыбка скользит по его губам.

— Ты боишься?

— Нет!

— Ты уверена?

— Да.

— Хм, почему у меня такое чувство, что ты соблазняешь меня только для того, чтобы избежать этого.

— Хм. Это детская игра. Я не боюсь, Рон.

— Ага.

— Прекрати.

Я пристально смотрю на него, и это просто заставляет его улыбнуться шире.

Иногда я ненавижу то, как легко он может читать сквозь все мои слои. Он единственный, который видит за личиной, которую я проецирую на мир, и чувствует во мне уязвимую часть. Ту часть, которую я обычно держу под замком, потому что не хочу, чтобы она пострадала от сурового внешнего мира.

С Ронаном, однако, я хочу показать это и позволить ему насладиться этим. Несмотря на его шуточный характер, в нём столько сочувствия, что это безумие.

Это заставляет меня тоже хотеть защитить его, потому что мир слишком жесток для такого, как он. Мир не заслуживает такой чистой души, как Ронан.

Он обхватывает мои щёки руками, так что мы смотрим друг другу в глаза. Я такая крошечная по сравнению с ним, и ненавижу, что он так высок надо мной, что приходится вставать на цыпочки, чтобы добраться до его лица — или достаточно близко.

Всякий раз, когда он делает это, весь мир вокруг нас исчезает. Единственный, кого я вижу, это он.

Единственное, что я чувствую, это его тело, приклеенное к моему, хотя жилет и верёвки мешают.

— Ты мне доверяешь? — он бормочет таким тоном, который каждый раз сводит меня с ума.

— Своей жизнью.

— Время проверить это, *ma belle* — моя красавица.

Тьфу. Должно быть, я была пьяна, когда согласилась на это. Ох, подождите, я была. Но не от алкоголя. Я была полностью измотана прошлой ночью после того, как он вырвал из меня множественные оргазмы. Поэтому, когда он предложил сегодня заняться прыжками на тарзанке, я, возможно, согласилась бы, находясь в полусне.

Ронан, будучи мудаком-манипулятором, когда ему это удобно, воспользовался возможностью и привёл нас сюда первым делом утром.

— Как насчёт пяти раундов?

Он ухмыляется.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Я проведу эти раунды, как только мы вернёмся, *trésor* — сокровище.

— Нет. Ты не получишь раундов, если заставишь меня это сделать.

— Что, если я заставлю тебя передумать?

— Ты не можешь заставить меня передумать.

— Если тебе это понравится, если ты отпустишь и закричишь, тогда я получу свои раунды.

Я толкаю его в бок.

— Значит, теперь это *твои* раунды?

— Всегда были моими. — он подмигивает, и я не могу не улыбнуться.

Ронан будет Ронаном. Он пристрастился к адреналину и веселью. Хотя мы оба отходим от травмы прошлого, Ронан никогда не превращался в мрачного человека.

Он по-прежнему является сердцем вечеринок и тем, к кому люди тянутся. Я одна из таких людей, но разница в том, что он тоже каким-то образом тяготеет ко мне.

Он почему-то не может заснуть, если я не буду рядом с ним, прижимая его к себе.

Он почему-то ищет только меня.

Он каким-то образом мой.

Мой муж. Мой мир.

Он всё, о чём я могла только мечтать, и даже больше. Возможно, я пристрастилась к нему. Мысль о том, что я проснусь и обнаружу, что его нет, вызывает у меня кошмары.

Так что неважно. Мне всё равно, будет ли это банджи-джампинг или буквальный прыжок. Я бы пошла куда угодно с этим мужчиной.

Включая ад.

Я обнимаю его за талию, держась за него, потому что он единственный якорь, в котором я когда-либо нуждалась в своей жизни.

— Это моя девочка.

Он наклоняет голову и захватывает мой рот в поцелуе.

Я теряюсь в мягкости его губ, в том, как всё его тело наклоняется ко мне. Мои глаза закрываются, и я погружаюсь в ошеломляющее ощущение. То, как Ронан целуется, словно говорит без слов, что не может насытиться мной так же, как я не могу насытиться им.

Его губы медленно отрываются от моих, и я открываю глаза, чтобы посмотреть в его тёмные глаза.

— Почему я так сильно люблю тебя, Ронан? — я вздыхаю.

За его ухмылку можно умереть. Она такая яркая и радостная, и я хочу, чтобы так было всю жизнь. Он прижимает меня к себе за талию.

— Потому что я покорила тебя, *belle* — *красавица*.

А потом мы прыгаем. Обнимаем друг друга, сердца громко бьются друг о друга.

И в воздухе, когда мы оба падаем и смотрим друг другу в глаза, чувство свободы пробирает меня до костей.

Свобода быть с этим человеком, пока смерть не разлучит нас.

Сильвер

Я стону, когда мягкий морской бриз касается моего тела.

Мои соски набухают, и я потираю бёдра друг о друга. Вот тогда я понимаю, что на мне ничего нет.

Никакой одежды.

Мои глаза распахиваются, вырывая из сна, и, конечно же, я лежу на шезлонге под солнцем, совершенно голая.

Коул.

Никто, кроме этого извращенца, не стал бы снимать с меня одежду. Я ненавижу то, что больше всего меня беспокоит то, что я не была полностью в сознании, чтобы стать свидетелем этого.

Застонав, я приподнимаюсь на локтях, в поисках своего мужа. Я улыбаюсь про себя.

Коул мой муж. Нам потребовалось десять лет с тех пор, как мы собрались вместе, и двадцать лет с тех пор, как мы пообещали друг другу наши первое, но мы наконец здесь.

Мы женаты.

Мы проводим наш медовый месяц во Франции, в том маленьком городке, где мы впервые поцеловались на публике. В городке, где мы вместе набили татуировки.

Мои пальцы скользят по боку, касаясь бабочки, которую я сделала в тот день. Хотя это было немного импульсивно, это было одно из лучших решений, которые я приняла в своей жизни.

Помимо выхода замуж за любовь всей моей жизни. Покой моих дней и абсолютный хаос в других.

Но я бы ничего в нём не изменила, даже если бы могла.

В настоящее время мы находимся на яхте, плывущей по Средиземному морю. И да, у Коула есть яхта. Думаю, что недооценила состояние Уильяма Нэша, потому что, по-видимому, несмотря на то что он скончался давным-давно, он потратил свою жизнь на создание буквально золотой империи.

Она стала ещё лучше с тех пор, как Коул заключил партнёрство как с Джонатаном Кингом, отцом Эйдена, так и с Итаном Стилом, отцом Эльзы. Он точно знает, на каких шишек целиться. С его расчётливой личностью он был создан для делового мира.

И моя конкурентоспособная личность также подходит для этого. Не могу дождаться, когда мы с Коулом завоюем мир или, как он говорит, *завладеем им*.

У нас будут проблемы с Эйденем, учитывая его собственную склонность к соперничеству, но у него не будет никаких шансов, если мы с Коулом набросимся на него в полную силу.

Этот мудака пойдёт ко дну.

Я не утруждаю себя поисками одежды, когда встаю. Мы одни на яхте, и, хотя сейчас она не движется, людей не видно. Мы буквально находимся в глуши, где нас никто не знает, и мы можем быть самими собой.

Не то чтобы это вызвало бы проблемы, если бы мы были вместе на публике. В конце концов, мы поженились.

Но, в некотором смысле, мы тоскуем по нашему уединённому времени вместе, чтобы делать странные вещи, которые знаем только мы двое. Коул всё ещё связывает меня и вырывает у меня один взрывной оргазм за другим. Мы всё ещё ходим в *La Débauche*, чтобы посмотреть, как другие люди занимаются сексом, пока мы снимаем друг друга.

Мы всё ещё тайком пробираемся в тёмные уголки, чтобы по-быстрому перепихнуться, потому что мой муж не может оторвать от меня своих рук так же, как я не могу оторвать своих рук от него.

— Коул? — я зову, но никто не отвечает.

Я обыскиваю нижний этаж и комнаты, но его нигде нет. Возвращаюсь наверх, мои пальцы слегка дрожат.

Я пытаюсь убедить себя, что он, вероятно, в капитанской каюте, учитывая, что он лично управляет яхтой, но моё сердце не перестаёт биться громко и быстро.

После всего, что произошло, между нами, мне не нравится проводить время отдельно от Коула. Не то чтобы он когда-нибудь держался от меня подальше. Большую часть времени он моя тень и редко даёт мне возможность скучать по нему.

Однако теперь от него не осталось и следа.

Я стою у перил и выглядываю. Вот тогда-то я и вижу его. В море, плавающий с опущенной головой.

Моё сердце колотится, когда он не двигается. *Нет, нет...*

Возможно, у Коула и была эта травма в бассейне его старого дома, но за пределами этого он отличный пловец.

Почему он не двигается?

Я не думаю об этом, когда прыгаю. Холодная вода ударяет по коже и наполняет ноздри, но я не останавливаюсь, когда тянусь к нему. К тому времени, как я прикасаюсь к нему, он выныривает, его мокрые волосы прилипают ко лбу, а тёмно-зелёные глаза блестят на солнце.

Я ударяю его по плечу, тяжело дыша.

— Ты грёбанный придурок! Я думала, с тобой что-то случилось.

Он прижимает меня к груди, заставляя мои удары затихать.

— И оставить тебя? Думаешь, это было бы возможно?

Я вдыхаю его аромат корицы, наслаждаясь им.

— Никогда больше так не делай.

— Я только наблюдал под водой. Я не думал, что ты так скоро очнёшься от своего сна.

— Ну, ты забрал мою одежду, извращенец.

— Нужно быть одним, чтобы знать одного, Бабочка.

— О чём, чёрт возьми, ты говоришь?

— Думаешь, я не замечаю, когда ты фотографируешь меня, когда я сплю?

— Я... я не фотографирую.

— Ты пялишься на фото, когда меня нет рядом с тобой? У тебя есть ещё одна странность, о которой мне следует знать? Ты же знаешь, я всегда готов исполнить все твои извращённые желания.

Так оно и есть. Не было ни одного желания, которое бы он не осуществил. Он зажигает моё тело в огне наилучшим из возможных способов, и не останавливается, пока я не буду полностью измотана и довольна.

— Готов, когда будешь готова.

Он просовывает своё бедро между моими, заставляя меня почувствовать его эрекцию, и да, он тоже голый.

— Так вот почему ты снял с меня бикини?

— Нет, я попросту помог, чтобы у тебя не было линий загара, чтобы их никто не увидел.

Он опускает голову и сосёт нежную плоть моей груди, оставляя горячую красную отметину.

Я выгибаю спину, мои глаза закрываются. Это всегда было нашим любимым местом; он любит отмечать меня в местах, которые видит только он, а я люблю смотреть на отметины, которые он оставляет на моём теле.

Он поднимает голову, и его глаза держат мои в заложниках. Я постоянно в восторге от того, как он смотрит на меня, как он хочет меня, как он никогда не смотрит ни на кого, кроме меня.

Дело не только в сексе или перегибах, дело в том, как он прижимает меня к себе без всякой причины, кроме как чувствовать меня рядом. Это о том, как он читает мне каждую ночь, положив мою голову себе на колени, и, если я засыпаю, он крепко обнимает меня и спит, прижавшись губами к моему лбу.

Это о нем и обо мне, и о долгом путешествии, которое мы
предприняли, чтобы наконец-то быть вместе на глазах у всего мира.

Я обвиваю руками его шею и глажу волосы у него на затылке.

— Ты мой мир, Коул.

— Я знаю.

— Нет, я серьезно. Ты весь мой мир, и не знаю, как бы я смогла жить в
нём без тебя.

— Тебе и не придётся, потому что ты не сможешь избавиться от меня,
Бабочка. Ты мой хаос, не забыла?

— И твоё спокойствие?

— И моё спокойствие.

— И твоя любовь?

Он улыбается, и я чуть не падаю в обморок здесь и сейчас.

— И моя любовь.

— Я так сильно люблю тебя. Отныне и навсегда, муж мой.

— И я люблю тебя, жена.

БЕРЕМЕННОСТЬ

Леви

23 года

Я бросаю сумку на диван и направляюсь на кухню, чтобы взять немного воды.

Сегодняшняя тренировка была чертовски утомительной. Я удовлетворил свою обычную потребность в адреналине и даже больше.

А теперь я просто хочу прижаться к своей прекрасной жене и посмотреть один из тех кровавых фильмов, которые она так любит.

Другим нравятся романтические комедии, но моя одержима странным дерьмом. Я люблю её ещё больше за её эклектичный вкус.

Сделав глоток воды, я останавливаюсь с бутылкой на полпути ко рту.

Дверь в студию открыта.

Обычно, когда я возвращаюсь домой рано, мне приходится хандрить перед ней, как грёбаному идиоту, пока она не выйдет. Я уважаю её потребность в одиночестве, чтобы она могла создавать шедевры. Кроме того, Астрид всегда говорит, что я отвлекаю, поэтому я стараюсь держаться в стороне. Ключевое слово — *«стараюсь»*.

Тот факт, что дверь сейчас открыта, является неправильным. Я ставлю бутылку на стойку и захожу внутрь. Дэниел заходил? Но он в Штатах.

Он и Нокс, шурин Ронана, завели что-то вроде дружбы, основанной на том, что они трахались с американским женским населением, и решили остаться в Штатах даже после окончания колледжа. Астрид сказала бы мне, если бы Дэниел вернулся, и даже если бы она этого не сделала, я бы почувствовал это, учитывая, что она проводит всю неделю вне себя от волнения.

Это означает, что Дэниел убрался с дороги.

Я также не думаю, что это Эльза или жена моего дяди, так как они с Эйденем и Джонатаном на острове последнего. Мы с Астрид не присоединились, потому что у меня была тренировка, а Астрид была... нездоровая.

Это то, что она сказала Авроре, жене моего дяди, когда говорила с ней по телефону вчера вечером. Я смутно помню слово «нездоровая» и подумал, что это сон.

Мои ноги тяжелеют, когда я вхожу в студию. Запах краски и угля ударяет мне в ноздри, и я останавливаюсь на пороге, чтобы отдышаться.

Это ерунда. Это пустяк.

Моя Астрид сильнее мира и всего, что в нём есть. Не может быть, чтобы она *так* плохо себя чувствовала.

Я останавливаюсь, когда вижу, что она стоит перед зеркалом. У неё есть одно здесь, когда она делает наброски моей обнажённой натуры. Она говорит, что это для того, чтобы она могла рассмотреть все возможные ракурсы. Обычно я кончаю тем, что трахаю её перед ним, потому что хочу, чтобы она видела нас со всех возможных сторон.

Однако сейчас она, похоже, не рисует или что-то в этом роде.

Её лицо бледно, когда она прижимает майку к груди и смотрит в зеркало пустым взглядом.

— Астрид... — бормочу я тихим голосом, переводя суматоху, которая кружится внутри меня.

Она вздрагивает, прежде чем смотрит на меня со слабой улыбкой на лице. Она всё ещё бледна, на её щеках нет ни капли румянца.

Я подхожу к ней в два шага и беру за подбородок, затем пристально смотрю на неё. Она заболела, а я этого не заметил?

Этого не должно было случиться. Я наблюдаю за ней больше, чем за чем-либо в этом мире, включая себя.

Её благополучие важнее всего остального.

— Что случилось, Принцесса?

— Я не слышала, как ты вошёл.

Она всё ещё улыбается.

— Не пытайся убежать от этого. Что с тобой не так?

— Почему ты думаешь, что со мной что-то не так?

— Потому что ты не рисуешь, и ты бледна, и ты сказала Авроре, что тебе плохо. Блядь. — я провожу рукой по волосам. — Я должен был заметить это раньше.

— Не думаю, что ты мог бы. Не тогда, когда я сама не знала.

Она берет меня за руку, заставляя распустить волосы, и приглаживает пряди другой ладонью.

Вот почему Астрид моё спокойствие. Она не позволяет мне втянуться в чёрную дыру, которая только толкает меня в порочный круг. Она всегда оттаскивает меня, прежде чем меня затащат внутрь.

— Ты не знала чего? — спрашиваю я едва слышным голосом.

Мои лопатки сводит вместе от страха. Мысль о том, что что-то может случившееся с ней сводит с ума.

Мне просто нужно знать, что это, чтобы я мог это исправить. Конечно, Джонатан может пригрозить доктору или двум, или целой грёбаной больнице, если понадобится.

— Не волнуйся, Лев. Я подтвердила это только сегодня утром.

— Подтвердила что?

Она сглатывает, её нежное горло двигается в такт движению.

— Принцесса, я едва держусь здесь, так что в любой день...

— Я беременна.

Слова достигают моих ушей, но требуется несколько секунд, чтобы осознать их.

— Так ты не больна?

— Больна? Нет. У меня лёгкая тошнота, но ничего страшного.

— Верно.

— Верно? — она хмурится, сдвигая брови. — Это всё, что ты можешь сказать? Разве ты... не счастлив?

— Конечно, я счастлив, но я рад, что ты здорова, Принцесса. Я чуть не потерял сердце, думая, что ты заболела или что-то в этом роде. Ты здорова?

Она прикусывает нижнюю губу.

— Думаю, да. Нам нужно сходить к врачу, так как я сдала всего несколько анализов.

Я держу её за руку.

— Давай пойдём прямо сейчас. Я попрошу Эйдена позвонить акушеру-гинекологу Эльзы. Если она может справиться с поздними ночными звонками Эйдена, она сможет справиться и с моими.

— Подожди. — она тянет меня за пальцы, заставляя остановиться и снова повернуться к ней лицом. — Ты не злишься, что это произошло незапланированно? Мы хотели подождать, а потом случилось это. Думаю, это из-за того, что однажды я забыла выпить таблетку.

— С чего бы мне злиться, Принцесса? — я кладу руку ей на живот, и, хотя там нет выпуклости или чего-то ещё, я уже ощущаю чувство принадлежности. — Пока ты счастлива, я более чем готов к этому. А ты? Счастлива, я имею в виду?

Она отчаянно кивает, держась за мою руку, которая лежит у неё на животе.

— Я не знала, что так сильно этого хочу, пока не увидела две полоски на тесте. Я хочу быть матерью твоих детей, Леви.

Я ухмыляюсь.

— Мать моих детей. Мне это нравится.

— Тебе нравится?

— Чёрт, да. — я целую её в губы до такой степени, что она задыхается, когда я отпускаю её. — А теперь давай убедимся, что ты здорова.

Эльза

21 год

— Как я уже говорил, ты не можешь спорить со мной, используя какую-то теорию. Будь настоящим ботаником и докажи это в реальном времени.

Эйден смотрит на наших одноклассников со своим фирменным бесстрастным лицом. Клянусь, он стал еще более настойчиво скрывать свои эмоции.

Мне повезло, что я встретила его в восемнадцать, потому что двадцатиоднолетний Эйден свел бы меня с ума. Вычеркните это. Он сводит с ума, но я знаю его достаточно хорошо, противостоя ему сейчас на каждом шагу. Я не всегда выигрываю, но вызов того стоит.

Наши одноклассники смотрят на него с вопросами и без ответов.

Только Эйден мог назвать студентов университета ботаниками в лицо. Когда я сказала ему не делать этого, он ответил, что твердо верит в то, чтобы называть вещи своими именами.

— Кто-нибудь? — он бросает вызов. — Да, не думал.

Ему повезло, что Коула здесь нет. Если бы он был, это переросло бы в полномасштабную войну, и мы бы все сидели и смотрели, как они спорят не протяжении всей ночи.

Никто не выиграет, но Эйден продолжает настаивать, что относится к нему спокойно.

— На самом деле, есть один.

Зловещий голос раздается справа от меня. Его сразу отличает американский акцент.

Я стону еще до того, как придурок присоединяется к нам. Я думала, что сегодня нам повезло, так как у Коула были дела, о которых нужно позаботиться.

Оказывается, нет.

— Что ты вообще здесь делаешь? — я спрашиваю. — Ты не принадлежишь к этому клубу.

— Теперь принадлежу. — глубокие зеленые глаза наполняются озорством, когда он машет своей карточкой. — Я должен быть там, куда ходят все крутые ребята. Разве не так, Прес?

Президент нашего дискуссионного клуба Оливер кивает в ответ на очаровательную улыбку американца.

Я закатываю глаза. Единственная причина, по которой он присоединился, это бросить вызов Эйдену и Коулу. Клянусь, они притягивают таких сумасшедших, как этот американец, как магниты.

Даже Эйден вступил в клуб не из доброй воли. Я присоединилась первой, а он просто вошел, потому что «ему было интересно».

Интересно, моя задница. Скорее, он хочет быть здесь, чтобы отгонять мух, как он их называет.

Собственничество Эйдена не знает границ. Ему не нравится, как близка я с другими членами клуба, поэтому он ворвался, превращая их жизнь в ад. Он может быть таким раздражающе спорящим, когда захочет.

— Хорошо, что ты присоединился к нам, Эш, — усмехается Эйден, садизм искрится в его глазах. — А теперь отвернись от моей жены, пока я не создал дипломатическую проблему между Англией и США.

Всеамериканский золотой парень раздражается смехом, поднимая руки.

— Хорошо, хорошо. У тебя все плохо, чувак.

Эйден обхватывает мою руку своей, переплетая наши пальцы, будто доказывая свою точку зрения.

Наши кольца находятся друг над другом. То, что Эйдену очень нравится делать.

Мы женаты уже два года, и он повсюду это афиширует. Всякий раз, когда кто-то смотрит в мою сторону, он почти ослепляет их огромным кольцом с бриллиантом, которое он мне подарил.

Я бы это не надела, но, тем не менее, я приняла его. Это кольцо принадлежало Алисии, и я понимаю эмоциональную ценность для Эйдена.

Вскоре я узнала, что он также использует его для обозначения своей территории при каждом удобном случае.

Пресса единственное средство, которое он не использовал для рекламы, но в этом не было необходимости.

Наша свадьба, хотя и была эксклюзивной для семьи и друзей, попала в заголовки газет.

О браке Кинга и Стил снова и снова писали в деловых колонках и газетах.

Это начало новой эры для обеих компаний. Хотя папа и Джонатан не самые лучшие друзья, они научились работать вместе.

Я все еще не могу полностью доверять Агнусу. Он действительно психопат, и я всегда отношусь к нему настороженно. Однако папа доверяет ему, хотя, возможно, точно знает его природу.

Агнус играет огромную роль в партнерстве папы и Джонатана. Он стал опорой наших семей, и я не могу ненавидеть его за это.

Даже компания тети и дяди, Quinn Engineering, процветает с момента партнерства между King Enterprises и Steel Corporation.

Тете было немного грустно, когда я предпочла Оксфорд Кембриджу, но она быстро смирилась с этим.

— У тебя есть что-нибудь добавить к обсуждению, Эш? — спрашивает Эйден своего американского друга.

Все члены команды сосредоточены на последнем.

Некоторые девушки краснеют. Другие смотрят на него мечтательными глазами.

Если бы только они знали, что скрывается за красивым фасадом.

Он такой же, как Эйден. Если не хуже. Я до сих пор понятия не имею, почему он оставил свой престижный колледж в Штатах, чтобы присоединиться к нам здесь.

— Да, вообще-то. — он садится в кресло, свесив руки с края. — Видишь ли, Эйден. Мне не нужно тебе это доказывать, потому что у нас нет юридических обязательств. Я могу доказать, но только на добровольной основе.

— Когда заканчивается добровольность и начинается обязательство? — Эйден отстреливается.

Они продолжают и продолжают. Зрители наблюдают за столкновением двух титанов с разинутыми ртами. Даже президент не осмеливается ничего сказать.

Я, с другой стороны? Мне надоело наблюдать, как два социопата пытаются перехитрить друг друга.

Пока Ашер продолжает рассказывать о юридических текстах и прочем, я сжимаю руку Эйдена и шепчу:

— Я устала. Поехали домой.

Он даже не останавливается, чтобы обдумать.

Все еще сжимая мою руку, он встает, тянет меня с собой и обрывает Ашера.

— Моей жене нужно отдохнуть.

— Неудачник, — бормочет Ашер.

Эйден ухмыляется.

— Я беру отсрочку.

— Я буду здесь, — кричит Ашер нам в спину, когда мы направляемся к двери. — Итак, на чем я остановился? — он пускается в долгий, односторонний спор.

— Почему ты вообще с ним дружишь? — спрашиваю я, как только мы остаемся наедине.

— Потому что он веселый, милая. Нам нужны веселые люди, которые не являются политкорректными.

— Ты имеешь в виду социопатами.

— Каждое общество нуждается в старомодном злодеи. — он улыбается мне сверху вниз, затем его брови морщатся. — Почему ты устала?

— Я... — прежде чем я успеваю что-либо сказать, он кладет ладонь на середину моей груди. — Эйден!

Я наблюдаю за нашим окружением.

Я знаю, что он просто проверяет мое сердцебиение — как он делает каждый день. На самом деле, он иногда спит, положив голову мне на сердце, убеждаясь, что оно правильно бьется.

— Я же говорила тебе проверять пульс на моем запястье, когда мы на публике, — шепчу я. — Люди наблюдают.

— К черту людей. Я проверяю пульс своей жены так, как мне заблагорассудится. — он убирает руку и кладет два пальца мне на шею. — Хм. Твой пульс в порядке.

— Да, — говорю я, когда мы выходим на холодный воздух.

— Тогда в чем дело? Чувствуешь стеснение в груди?

— Нет.

— Учащенное сердцебиение?

Я качаю головой.

Эйден чертовски строг, когда дело касается моего здоровья. Он более религиозно относится к моим назначениям, чем я. Он постоянно изучает проблемы с сердцем, как врачи с учеными степенями.

Он даже подумывает пройти курс по медицине.

Без шуток, он действительно над этим думает.

Он встает передо мной, застегивает мое пальто до подбородка, снимает свой шарф и завязывает его вокруг моей шеи.

Он пахнет им, чистотой и мужественностью. Я делаю глубокий вдох, вдыхая его в легкие.

Эйден берет мои холодные руки в свои и вдвухает в них теплый воздух, прежде чем положить их в мои карманы.

Я наблюдаю за ним с улыбкой на лице. Эта сторона Эйдена всегда заводит меня в тупик. Он такой заботливый и внимательный, что мне на самом деле снятся кошмары о жизни без него.

Он стал константой, без которой я больше не смогу дышать.

Забудьте о любви и обожании, Эйден для меня гребанный воздух. Он все, чего я хочу в жизни, и даже больше. Только по этой причине я приподнимаюсь на цыпочки и целую его в губы.

Он улыбается с мальчишеским очарованием.

Эйдену нравится, когда я удивляю его поцелуями или когда требую удовольствия. Он говорит, что это заводит его больше всего на свете.

— Пойдем, здесь холодно. — он тянет меня за щеку. — Мне нужно отвезти жену домой.

Верно. Домой.

Наш дом находится примерно в пятнадцати минутах езды от кампуса.

Мы проводим это время, разговаривая о занятиях, в то время как Эйден кладет руку мне на бедро. Мне повезло, что я в джинсах, ибо, если бы я была в юбке, он бы уже довел меня до оргазма.

Эйден все еще остается Эйденем. Безграничным и бесстыдным.

Он сводит меня с ума. Клянусь, с каждым днем я влюбляюсь в него все больше и больше. Я влюбляюсь в то, как он готовит мне завтрак каждое утро. Как он берет меня на пробежку и наблюдает за моим сердцебиением через это. Как он несет меня в постель каждую ночь, когда я засыпаю на нем. Как он трахает меня, будто не может насытиться мной.

Я люблю его внимательность и заботливость. Черт, иногда я даже люблю его собственничество.

Я люблю его всего.

Мы приезжаем.

Это двухэтажный дом с небольшим садом, за которым я ухаживаю. Эйден купил землю рядом с нами на нашу первую годовщину. Он сказал, что это подарок, чтобы я могла построить свой первый дом.

Наш настоящий дом.

С тех пор я схожу с ума, придумывая тысячу и одну идею. Я даже подумываю об объединении этих двух земель и получения от этого удовольствия.

Сейчас мы живем в уютном доме, в котором царит старинная атмосфера.

Как только мы оказываемся внутри, я останавливаюсь, чтобы снять пальто. Эйден снимает пиджак и мчится на кухню — без сомнения, за моими лекарствами.

Я изучаю наш дом с деревянным полом и темным декором.

Отенок возбуждения охватывает меня при воспоминании, как Эйден загонял меня во все углы этого дома. На диване, у стойки и даже на полу возле входа.

Это место наполнено столькими трогательными воспоминаниями.

Повесив пальто и шарф, я на цыпочках иду на кухню. Эйден стоит у прилавка, суется с таблетками. Он все еще каждый раз читает инструкцию. С ним нет никакого риска ошибиться.

Я обнимаю его сзади и прижимаюсь щекой к его спине.

Возможно, Эйден больше и не футболист — за исключением редких игр время от времени, — но его телосложение по-прежнему крепкое и подтянутое.

Мы вместе ходим на пробежки, и он тренируется, когда у него бессонница, хотя с тех пор, как мы поженились, это стало редкостью.

— Чего ты хочешь больше всего на свете, Эйден?

— Тебя.

Он не медлит.

Я улыбаюсь.

— Что еще?

— Здоровую, счастливую тебя и чертовски мою.

Боже. Он станет моей смертью.

— Что еще?

— Это все.

— И это все?

— Да.

Он поворачивается и протягивает мне таблетки со стаканом воды.

Я выпиваю лекарства, пока он пристально наблюдает за мной. Я тоже наблюдаю за ним. Его взъерошенные волосы, родинка в уголке металлических глаз и намек на татуировки со стрелками, когда рукав его рубашки закатан.

Он хватается меня за локоть.

— Давай-ка ты немного отдохнешь.

Я вырываюсь.

— Я не устала.

Он поднимает бровь и наклоняет голову.

— Если ты не устала, я трахну тебя в душе, как вчера. Мне нравится, когда ты возбужденная, взбираешься по моему телу и царапаешь мне спину.

— Для этого есть причина.

— Что бы это ни было, мне нравится причина. Давай повторим сегодня.

Он ухмыляется и возвращается к возне с таблетками.

Я делаю глубокий вдох. Ладно, поехали.

— Эйден?

— Хм, милая?

— Я беременна. Шесть недель, если быть точной.

Он замирает, пузырек с таблетками наполовину подвешен в его руках.

Эйден хотел ребенка три года назад, но полностью отступил, когда доктор Альберт сказал, что на этом этапе это может быть опасно для моей жизни.

Однако три месяца назад доктор Альберт сообщил, что зачать ребенка безопасно. С тех пор я не принимала противозачаточных. Я хотела сделать ему сюрприз на нашу вторую годовщину два месяца назад. Однако я не забеременела.

Последние три месяца я чуть не плакала каждый раз, когда у меня начинались месячные.

У меня задержка две недели. Я сдала анализы и бум, беременна. Я была так счастлива, что хотела сразу же сказать Эйдену, но держала это при себе, пока не сдала дополнительные анализы и не сходила к доктору Альберту, и гинекологу.

Эйден оборачивается. У меня отвисает челюсть. Я никогда не ожидала увидеть такое выражение на лице Эйдена.

Страх.

Полный ужас.

Он хватается меня за руку.

— Поехали к доктору Альберту. Он скажет нам, как справиться с этим...

— Нет. — я отодвигаюсь от него. — Я оставлю этого ребенка.

— Ну а у меня не будет ребенка, который является риском для твоей жизнью. — голос Эйдена властен и решителен. — Я бы предпочел быть бездетным, чем без тебя.

Мои глаза наполняются слезами от его заявления, потому что я знаю, что это правда. Эйден был бы счастлив, если бы рядом была только я. Я чувствую это в своей душе.

Но я хочу дать ему больше. Я хочу отдать ему все. Я хочу стать матерью его детей.

— Мне ничего не угрожает. — я обхватываю его щеку ладонью. — Я поговорила с доктором Альбертом и гинекологом, и сдала анализы. Мы с ребенком здоровы.

Он прищуривает глаза.

— Ты говоришь это только для того, чтобы я передумал?

— Я знаю, что ты ворвался бы в дом доктора Альберта, чтобы убедиться, что мои слова верны, так что нет, я не блефую. У меня в сумке результаты анализов и все остальное.

Он бежит к ней и тратит минуты, снова и снова перечитывая бумаги. Я стою, наблюдаю за ним и жду реакции.

Он переключается, смотря на узи маленькой жизни. Жизнь, которую мы с ним создали.

— Ну что? — осторожно спрашиваю я. — Что думаешь?

— Ты беременна. — он переводит взгляд с меня на узи, будто хочет убедиться.

— Да, Эйден. — я глажу свой животик. — Я ношу твоего ребенка.

— Ты носишь моего ребенка, — повторяет он, медленно приближаясь ко мне.

Когда он оказывается на расстоянии вытянутой руки, я беру его руку и кладу себе на животик.

Он все еще плоский, но я чувствую, как внутри меня бурлит жизнь. Я уже ощущаю связь.

Он смотрит на свою руку и медленно гладит меня по животу.

— Мы создали жизнь, Эйден, — бормочу я. — Ты счастлив?

Он отрывает взгляд от моего живота, встречаясь со мной глазами.

— А ты?

— Я на седьмом небе от счастья. Это лучший подарок, который ты мог мне сделать. — я прижимаюсь губами к его губам. — Я люблю тебя.

Он обнимает меня, и я визжу, когда он поднимает меня с пола и заключает в объятия. Мои руки обвиваются вокруг него, когда он целует мои губы, щеки, нос и лоб.

— Ты лучший подарок, который мне когда-либо дарили, моя королева.

— И ты мой, мой король.

Ксандер*26 лет*

Вам знакомо это чувство, когда вы любите кого-то так сильно, что готовы убить за него, но иногда вам хочется убить его?

Те крошечные моменты, когда хочется задушить их, пока вы их трахаете.

Это один из таких случаев.

Эти мысли не переставали крутиться у меня в голове с тех пор, как мы вместе поужинали в доме Ронана.

И вот теперь Ким идет рядом со мной, переплетая свои пальцы с моими, будто ничего не случилось.

Мы на это еще посмотрим.

Я ввожу код квартиры, и она входит первой.

— Я жажду чего-нибудь поесть. Что думаешь, если мы...

Ее слова застревают у нее в горле, когда я тяну ее за руку и швыряю в дверь квартиры. Я хватаю ее за запястья и поднимаю их над головой.

Она задыхается, и ее зеленые глаза наполняются таким осязаемым волнением, что я чувствую его сквозь черную ярость, бурлящую в моем мозгу.

— Что ты там делала, Грин?

— Не знаю, о чем ты говоришь.

Она специально провоцирует меня, и черт возьми, если это не работает. Я задираю ее платье, затем спускаю брюки и боксеры.

Она прикусывает нижнюю губу, ее сиськи тяжело поднимаются и опускаются у меня на груди.

— Ты не знаешь, да? Потому что мне показалось, что ты позволила этому ублюдку из бухгалтерии флиртовать с тобой, прежде чем я выгнал его.

— Я позволила? — ее глаза расширяются с притворным недоверием.

Я приподнимаю ее под бедром, и ей не нужно приглашение, когда ее ноги обвиваются вокруг моей талии.

— Ты заплатишь за это, Грин.

— Заплачу? — шепчет она мне на ухо.

Я врываюсь в нее так сильно, что мои яйца ударяются о ее задницу. Блядь, блядь. Она ощущается так хорошо — так чертовски хорошо.

Она громко стонет, когда я жестко и быстро трахаю ее у двери. Удары и шлепки плоти о плоть эхом отдаются в тишине.

К счастью, для соседей, квартира звукоизолирована.

Стоны Ким наполняют воздух, и ее рот открывается в этом бессловесном «о».

— Тебе нравится провоцировать меня, Грин? Тебе нравится, как я показал тебя перед всеми ними, заявив, что ты моя?

— Да, — хнычет она, когда я задеваю ее чувствительное место снова и снова, пока она не выкрикивает мое имя.

Вскоре я следую за ней, сила моего освобождения заставляет нас обоих похолодеть. Ее голова падает мне на плечо, и она смотрит на меня с мечтательной, совершенно довольной улыбкой.

— Мне нравится, когда ты не сдерживаешься, Ксан.

Туманность оргазма медленно исчезает, когда я вспоминаю причину, по которой это конкретное освобождение было приятным. Это потому, что я уже несколько недель не трахал ее так сильно.

— Ох, черт.

Я несую ее в спальню и кладу на кровать. Наша кошка Лондон отскакивает, но остается у двери. Клянусь, она самый большой вуайерист на этой планете.

Ким прикусывает уголок губы, и у нее все еще тот же взгляд «трахни меня», который продолжает манить меня приблизиться.

Я кладу руку на ее выпуклость.

— С ней все в порядке?

— С ней все в порядке. — она тянет меня за шею и снимает с меня галстук, затем расстегивает пуговицы. — Ты ужасно разодет.

Она не останавливается, пока не снимает с меня рубашку и не утыкается носом в татуировку с ее именем на моем сердце. Моей жене это слишком нравится.

Мои пальцы ложатся на ее волосы, в которых все еще сохранились ее фирменные зеленые пряди, хотя теперь они не такие яркие.

— Малыш, Ким. Что, если я причиню ей боль?

— Нет. — она бросает на меня неприязненный взгляд. — Если бы ты не начал сдерживаться, я бы не спровоцировала тебя сегодня. Вيني себя.

— Но я не хочу причинять боль нашему ребенку.

Меня чертовски пугает, что я могу навредить ей, если буду продолжать своё обычное грубое поведение.

Доктор сказал, что все в порядке, но я все равно чертовски нервничаю.

Не помогает и то, что моя прекрасная жена после беременности стала настолько неконтролируемое, что даже прерывает меня во время работы, ложась на мой стол и требуя уделить время беременной девушки.

Поскольку у нас у обоих дрянные матери, которые, к счастью, сейчас ушли из нашей жизни, Ким нервничала из-за роли мамы, но я знаю, что она будет лучшей из всех живущих.

Она была для Кириана фигурой матери всю его жизнь, даже не осознавая этого. Вот почему он никогда не спрашивал о Джанин, когда она ушла.

Теперь он в восторге от того, что станет дядей, и начал угрожать мне, чтобы я позаботился о его сестре, иначе он «ударит меня». Отец и Кэлвин

звонили ежедневно и присылали всякое дерьмо с тех пор, как узнали, что мы ждем малыша.

За последние восемь лет, которые я провел с Ким, я стал самым счастливым ублюдком на свете.

Не было дня, когда бы она не смешила меня своей глупостью или когда бы не болела за то, чтобы я был лучшей версией самого себя. Точно так же, как я поступаю с ней.

Это то, что мы делали все это время.

Ким никогда не переставала исцеляться, но теперь она с ностальгией вспоминает тот последний год в школе. Она больше не скрывает свои шрамы. Она могла бы сделать пластическую операцию на запястье, но решила этого не делать. Всякий раз, когда кто-то спрашивает ее об этом, она говорит, что это было время, когда она потерялась, а потом нашла меня, и я нашел ее.

И после этого мы больше никогда не терялись.

Ким опускается на колени на кровати и проводит кончиками пальцев по моему полутвердому члену.

— Если ее мама счастлива, то она тоже будет счастлива.

— Да неужели?

— Да.

Она сжимает меня крепче.

Я стону.

— Ты убиваешь меня, Грин.

— Признайся, тебе это нравится.

— Ох, мне это нравится.

Я беру ее покрытое шрамами запястье с браслетом, свисающим с него. Она ни разу не снимала его с того дня, как я снова надел его на нее.

Точно так же, как обручальное кольцо. И нет, я не женился на ней на следующий день после предложения. Мне пришлось ждать целый месяц.

Небольшая цена за то, чтобы наконец-то она была рядом со мной всеми возможными способами.

Люди женятся на своих родственных душах или на тех, кто их дополняет. Я женился на девушке, которая придала смысл моей жизни.

Она не только моя родственная душа, моя жизнь не существовала бы без нее.

— Сделай меня своей, Ксан.

— Ты уже моя, Грин.

— Ты не напомнишь мне еще раз?

— Ох, я напомню.

Я переворачиваю ее, и она визжит, а затем задыхается, когда мои губы овладевают ее губами.

Ронан*24 года*

Так вот в чём дело. Я уже говорил тебе раньше, что быть мной легко, и в каком-то смысле так оно и есть. Тебе просто нужно пропустить всё это дерьмо про то, что у тебя в голове.

Которым я овладел.

Типа, без шуток. Я король всего этого.

Знаешь, в чём мой трюк? Вместо этого я предпочитаю находиться в голове моей прекрасной жены. Что совсем не сложно. Она охотно впускает меня. И я имею в виду не только её киску, задницу и рот. Это ежедневное удовольствие — спасибо, блядь, за это.

Тил также посвящает меня во все свои прекрасные мысли, к которым никто, кроме меня, не имеет доступа. Ну, может, я и Нокс, но её брат-близнец не в счёт, так как он решил переехать в Штаты ради своей новой жизни там, и мы почти не видим его на каникулах.

Так что я единственный, кто у неё есть — и за это, блядь, тоже спасибо.

Ларс начал с ней дружить, но Ларс тоже не в счёт, потому что я могу выгнать его каждый день. И если интересно, да, у него действительно есть чёрная книга. Я поймал его на днях, когда он писал в ней, как подросток с проблемами страха.

В любом случае, на чём мы остановились? Верно. Я и Тил.

Единственные двое, которые имеют значение, и если кто-то скажет иначе, то ты не должен их слушать.

Когда мы только поженились несколько лет назад, я думал, что Тил будет из тех людей, которым иногда нужно прятаться. Не то чтобы я собирался ей это позволить, но таков был её образ действий, когда мы были

помолвлены. Я был удивлён, когда вместо того, чтобы исчезнуть, она разыскала меня.

Иногда, когда этого становится слишком и ей нужно место, чтобы спрятаться, мои объятия это то место. Когда ей нужна отдушина для крика, я отвожу её в горы и позволяю ей заниматься этим, потому что именно так она справляется с прошлым.

С годами эти времена в конце концов исчезли. С тех пор как мы закончили университет, она ещё больше сосредоточилась на нашем будущем. Она училась у Итана. И Агнус — ублюдок, которого я не убиваю, потому что убийство, к сожалению, всё ещё осуждается.

Я также пытался узнать о семейных делах от отца, и давай просто скажем, что Лорд Эдрик Астор чертовски строг, когда дело доходит до бизнеса. Обычно Ларс поддерживает меня как своего рода союзник, но, когда имеешь дело с отцом, этот ублюдок обычно в команде Эрла Астора. Я подумывал о том, чтобы пожаловаться маме на это, но это означало бы, что я маменькин сынок, а я совершенно не... маменькин сынок, я имею в виду. Я женат, большое спасибо.

Несмотря на строгие папины правила, которые пришли откуда-то из средневековья, я знаю, что он хочет для меня лучшего. За последние несколько лет, с тех пор как умер тот, чьё имя не будет названо, отец извинился передо мной за то, что не увидел того, что произошло раньше. Он даже обнял меня. Без шуток. Мой отец, Граф Эдрик Астор, наследник фамилии Астор, чуть не потерял свой диплом от своих предков, когда проявил некоторые эмоции и фактически обнял своего единственного сына.

Это было всего один раз, но мне показалось, что нам обоим нужно это завершение. С тех пор мы восстанавливаем наши отношения отца и сына, которые, как я думал, давно умерли.

Оказывается, нет. Новая цель отца в жизни, кажется, мучать меня. Извини, я имею в виду, *учить* меня бизнесу правильным, строгим способом.

— Значит ли это, что я не должен приглашать всех в компанию, как на вечеринку? — я спросил его однажды, просто чтобы побыть придурком.

Он смерил меня своим снисходительным взглядом.

— Ты шутишь или мне следует поискать другого наследника?

— Шучу, шучу. Боже. — я указал на себя. — Как ты мог даже подумать о том, чтобы обменять это вечное солнце на кого-то другого?

Его губы дрогнули в улыбке, что означало, что он счёл меня забавным.

— Слышишь, Ларс? Он называл себя вечным солнцем.

— Да, ваша светлость. — Ларс осудил меня со своим снобистским выражением лица. — Я буду свидетельствовать в вашу пользу.

— Ларс! Ты чертов предатель.

— Вы сами вляпались в это, юный лорд. Не вините в этом меня.

Давай просто скажем, что такие сеансы случаются чаще, чем мне хотелось бы признать. И да, я отомстил, подсыпав в оригинальный чай Ларса дешёвую дрянь из магазина. Однако он узнал об этом, и я почти уверен, что его чёрная книга пригодилась во время его разглагольствований.

В конце концов, неважно, что он пишет обо мне, потому что все знают, что я сердце этого дома. Всякий раз, когда мы с Тил приходим на ужин, как сегодня, все за столом ждут моих шуток — особенно мама и жена. Они мои сторонники номер один, большое спасибо.

Тил удалилась в мою старую комнату в доме родителей, чтобы отдохнуть, пока у меня проходила небольшая встреча с отцом в его домашнем кабинете.

Я почти готов отвезти её домой и трахать до завтра. Она провела весь день с девочками, Эльзой, Ким, Сильвер и Астрид, в то время как мне приходилось слушать, как Ларс ворчал на меня, чтобы «обратить внимание». Потом мы поужинали здесь.

Прошло ровно восемнадцать часов с тех пор, как я в последний раз прикасался к ней.

Платоническое прикосновение кожа к коже не в счёт. И всякий раз, когда я просовывал руку под обеденный стол, дразня её, она отталкивала её.

Тил может показаться бунтаркой, но она слишком уважает моих родителей. Я пытаюсь сделать так, чтобы прикосновения к ней под столом стали нормальным явлением. Я дам знать, как все пройдёт.

Как только я, наконец, заканчиваю скучную встречу в папином офисе, я практически бегу по коридору в старую комнату.

Я нахожу Тил спящей на боку, её миниатюрная фигурка едва занимает место на кровати. Медленно закрываю дверь, стараясь не издавать ни звука, и сбрасываю обувь.

Я проскальзываю за ней, матрас прогибается под моим весом. Затем просовываю одну руку ей под мышку, пока не хватаю за грудь. Она тихо стонет, когда снова прижимается ко мне.

— Проснись, *belle* — *красавица*, я скучаю по тебе.

— Ммм.

— Я буду говорить с тобой по-французски, *mon petit coeur adore* — *моё маленькое обожаемое сердце*.

Она открывает один глаз и смотрит на меня снизу-вверх.

— Ты сделаешь это?

Я ухмыляюсь, точно зная, на какие кнопки нажимать.

— Я буду говорить по-французски только в том случае, если это твой пунктик.

— Нет, это не мой пунктик. — она гладит меня по щеке. — Ты да.

— Чёрт. Повтори.

— Ты мой пунктик, Ронан. Ты всегда был им.

— И всегда буду. — я переворачиваю её так, чтобы она оказалась подо мной. — А теперь позволь мне удовлетворить твою причуду.

— Подожди.

— Нет. Я не могу дождаться, когда мы вернёмся домой. Я голоден.

— Ты только что поел.

— Но не тебя.

Она смеётся, но все равно кладёт руку мне на грудь, останавливая.

— Мне нужно тебе кое-что сказать.

— После ужина. Я имею в виду после моего основного блюда, а не то, что мы ели в столовой.

Она хихикает, её счастье заполняет пространство.

Я не могу насытиться звуком её смеха, тем, как легко я могу вытащить это из неё.

Как будто я появляюсь, и она автоматически улыбается. Я говорю что угодно, и она смотрит на меня так, словно я самый мудрый человек на свете.

Нет. Но тот факт, что она так смотрит на меня, даже спустя столько лет, делает меня самым счастливым ублюдком на этой планете.

Я хватаю её за талию.

— Убери руку, *ta belle* — *моя красавица*. Не оставляй меня голодным.

— Ронан...

— *Oui, ta prise* — *Да, милая?*

— Мне кажется, я беременна.

Я останавливаюсь, положив руку на пуговицы её джинсов.

— Ты... что?

— Я сделала два теста, и они дали положительный результат, но это может быть ложью, как с Сильвер в школе, понимаешь? Мне придётся сделать ещё один и пойти к врачу, но... да, я думаю, что беременна.

— Вау.

— Это хорошее «вау» или плохое?

Она смотрит на меня так пристально, не мигая, как будто боится, что упустит что-то, если сделает это.

— Чертовски сбивающее с толку. Ты носишь ребёнка.

— *Твоего* ребёнка.

— Моего ребёнка. — повторяю я, и странное чувство гордости ни с того ни с сего охватывает меня.

Я имею в виду, мы знали, что однажды у нас будут дети, но с тех пор, как Тил призналась психотерапевту, что боится самой мысли стать матерью, я подумал, что мы могли бы подождать, как Ксан и Ким или Коул и Сильвер, которые до сих пор даже не поженились.

Не сомневаюсь, что Тил надерёт задницу, как мать. Дело не в том, что ей всё равно, а в том, что она избирательна, когда дело доходит до тех, о ком она заботится, и я уверен, что наш ребёнок возглавит этот список. После меня, конечно.

— Разве ты не сказала, что мы должны подождать? — спрашиваю я. — Ты не против этого?

Она отчаянно кивает.

— Я не могу дождаться, когда дело доходит до тебя, Ронан. Ты заставляешь меня хотеть сжечь все препятствия на своём пути, пока ты рядом со мной.

— Это потому, что ты чертовски умна, *ma belle* — моя красавица. Ты знаешь, в чём суть.

Она смеётся, её тёмные глаза сверкают.

Я кладу руку ей на живот.

— Значит, наш ребёночек здесь?

— Да. Если он или она хоть чем-то похожи на тебя, у нас будет дел невпроворот.

— Эй! Я был хорошим мальчиком. Спроси Ларса. На самом деле, нет, я устраивал ему взбучку всякий раз, когда он заставлял меня пить молоко. Спроси маму. Она расскажет тебе, каким хорошим мальчиком я был.

— Ты имеешь в виду, что я должна спросить ту же Шарлотту, которая всегда на твоей стороне, что бы ты ни делал?

— Я её чудо, любовь моя. Она должна быть на моей стороне. Вот как это работает.

— Ты невероятен.

— Не больше, чем это. — я продолжаю трогать её живот, пытаюсь найти что-нибудь, что угодно. — Ты уверена, что здесь есть живое существо?

— Да, просто сейчас не заметно.

— Чёрт. Значит ли это, что я не должен был трахать тебя вчера?

— Эльза упомянула, что доктор говорил, что всё в порядке.

— Спасибо, блядь, за это. — ухмыляюсь я. — Потому что я в настроении отпраздновать.

Коул

28 лет

Может быть, это и запоздало на десять лет, но Эйдена наконец-то снова ударили. Я не делал этого при наших жёнах, потому что они, как правило, мягки и не терпят насилия.

Хотя мне это тоже не нравится, я не собирался сидеть спокойно после того, как узнал о реальной правде того, что произошло десять лет назад.

Эйден, шатаясь, поднимается на ноги, зажимая нос — кстати, я думаю, что он сломан.

— Какого хрена это было?

Мои кулаки всё ещё сжаты по бокам, когда я смотрю на него сверху вниз. Мы в его кабинете после деловой встречи с Джонатаном Кингом и Итаном Стиллом. Я выжидал, пока они уйдут, прежде чем ударить его. Я подумал, что его отец и тесть не потерпят этого, пока я буду избивать его до полусмерти.

Даже встреча не смогла бы меня остудить. С тех пор как я случайно услышал, как Эльза извиняется перед Сильвер, я не мог усидеть на месте.

— Я не знала, что тогда ты думала, что беременна. — лицо Эльзы побледнело, когда она взяла Сильвер за плечи, её пальцы дрожали. — Боже мой, я чувствую себя так ужасно из-за того, что ударила тебя. Дело не только в беременности. Я даже не знаю, что на меня нашло в тот момент. Я слишком остро отреагировала, и мне очень жаль. Мне очень, *очень жаль*, Сильвер.

Моя жена засмеялась и потёрла руку.

— Я уже забыл об этом. Ты не знала. Не то что этот придурок Эйден.

— Эйден знал? — Эльза взвизгнула, и Сильвер пришлось утихомирить её, а затем увести.

Эйден знал.

Он знал, что Сильвер думала, что она беременна, и не останавливал Эльзу до тех пор, пока это не произошло. Он даже не сказал мне, зная, что я бы сам остановил Эльзу.

Этот эгоистичный ублюдок знал об этом и ничего не сделал.

Я всегда сожалел об этой части. Не имело значения, что она не была беременна. Тот факт, что она пострадала, всё ещё не укладывается у меня в голове. Даже если она спровоцировала меня до того, как это случилось.

Эйден вытирает кровь с уголка рта.

— Ты чертов ублюдок. Ты завидуешь моему лицу, не так ли?

— Ты знал. — мой голос спокоен, несмотря на полный хаос, который я планирую для этого ублюдка.

— Что ты мелкая маленькая сучка? Конечно.

— Ты знал, что она думала, что беременна. Она доверилась тебе, а ты позволил её избить.

Кажется, он понимает, о чём я говорю, так как делает паузу, вытирая рот, и усмехается.

— Доверилась мне? Скорее, угрожала мне.

— Ты всё ещё знал.

— Остынь, придурок. Она не была беременна.

Я хватаю его за воротник рубашки и смотрю прямо в его бездушные глаза.

— Это не та часть, которая имеет значение. Ты знал и не защитил её.

— Не то чтобы это имело значение, но я сделал это.

— Как? Позволив Эльзе ударить её?

— Остановив Эльзу. У меня возникло воспоминание о том времени, когда её мать занималась этим дерьмом. Так что да, может, я сделал это недостаточно быстро, но я остановил, и, если бы я не заставил её уйти, понятия не имею, что бы сделала Эльза или смог бы я остановить её. Тогда она была сама не своя, а ты знаешь, как Куинс не сдаётся. Кроме того, какого

черта ты ведёшь себя высокомерно, когда смотришь на неё с кровавой улыбкой на лице?

Он отталкивает меня, и я толчком отпускаю его.

— Я не знал.

— Верно, и это волшебным образом делает все в порядке.

— Заткнись нахуй, Эйден, пока я не сломал тебе нос по-настоящему.

Его лицо остаётся пустым, когда он показывает мне средний палец.

— Ударь меня еще раз, и я испорчу твои черты. Сомневаюсь, что Куинс осталась бы с тобой тогда. В конце концов, твоя внешность единственное, что работает в твою пользу.

Я борюсь с желанием впечатать его лицом в диван, прежде чем выйду из кабинета. Я всё ещё взволнован по дороге домой, и требуется всё, чтобы не вернуться и не выплеснуть свою обиду на этого ублюдка.

Не имеет значения, что мы были в некотором роде друзьями большую часть нашей жизни. Он всё ещё бесит меня больше всего.

И да, я всё ещё не смирился с тем фактом, что он был первым женихом Сильвер или что у него был её первый грёбанный вальс.

К тому времени, как я добираюсь до дома, мне приходится остановиться на пороге, чтобы успокоить дыхание. Независимо от того, насколько хаотичными становятся вещи, мне не нравится доводить это до Сильвер. Нам потребовалось так много времени, чтобы наконец пожениться, и, хотя прошло уже несколько месяцев с тех пор, как мы связали себя узами брака, кажется, что прошло всего несколько дней.

Я не могу насытиться реальностью того, что моя Бабочка теперь моя жена, мой мир, и ничто — и никто — никогда этого не изменит.

Мысль о ней вызывает улыбку на лице. Я захожу в спальню, по пути снимая пиджак и галстук, но её и след простыл.

Я кладу свою одежду на стул и собираюсь направиться в комнату с пианино, где она проводит часть своего времени, когда мои ноги

останавливаются от звука тяжёлого дыхания, доносящегося из ванной. Я врываюсь внутрь, хватая по пути полотенца.

Конечно же, Сильвер стоит на коленях перед унитазом, опорожняя желудок.

Я втираю успокаивающие круги ей в спину, убирая её светлые волосы с шеи, чтобы это её не беспокоило.

— Что не так? — я продолжаю гладить её по спине. — Ты съела что-то испорченное?

Она качает головой, не глядя на меня.

— Тогда в чём дело, Сильвер? Позволь мне отвести тебя к врачу, так что... — я замолкаю, когда она смотрит на меня, улыбаясь, и слезы блестят в её глазах.

— Я беременна, Коул.

— Ты... что?

Она лезет в свою сумку на полу и роется в ней.

— Сначала я подумала, что это ложная тревога, и не поверила тестам. Я знаю, мне следовало подождать, пока не схожу к врачу, но я так разволновалась и не хотела тебя разочаровывать, если это оказалось бы ненастоящим. Следующее, что я помню, я записалась на приём и... — она достаёт снимок узи. — Я беременна, Коул. На этот раз это правда.

Она кладёт узи мне на ладонь, и я смотрю на маленькую жизнь, изображённую там. Ребёнок, о котором Сильвер мечтала с того дня десять лет назад, когда мы узнали, что это было ложноположительным.

И поскольку она жаждала этого, я тоже хотел этого всем сердцем.

Всё, чего хочет Сильвер, автоматически становится моей мечтой.

— Ты беременна. — повторяю я, переводя взгляд с неё на узи.

Она хватается мою руку и кладёт её себе на живот.

— Наш малыш прямо здесь, Коул.

Я убираю её волосы с лица, открывая её восторженное выражение, несмотря на усталый взгляд и бледность кожи.

— Наконец-то это здесь.

— Да. — она нежно целует меня в щеку, прежде чем отстраниться. —

Спасибо, что дал мне это.

— Спасибо, что ты моя, Бабочка.

Она стоит на шатких ногах, обнимая меня, и я крепче обнимаю её,
когда она шепчет мне в грудь.

— Всегда.

5

КОМПАНИЯ

Астрид

31 год

Я никогда не осознавала, насколько яркой была компания друзей Леви, пока мы не начали встречаться на таких ужинах, как этот.

The Meet Up стал слишком маленьким для всех и их детей. Наши мальчики-близнецы, Брэндон и Лэндон, играют со своим двоюродным братом Илаем, Ремингтоном, сыном Тил и Ронана. Дочь Коула и Сильвер, Ава, едва ходит, держась за Сесили, дочь Ким и Ксандера.

Наш третий ребёнок, Глиндон, со своими бабушкой и дедушкой. Она полностью дедушкина маленькая девочка — как со стороны Джонатана, так и со стороны отца. Например, она почти не покидает их, и она единственная, против кого не против Джонатан, когда Аврора приводит её.

Леви играет в шахматы против Эйдена, а Коул помогает моему мужу жульничать, потому что он готов на всё, что включает в себя унижение Эйдена.

Эльза, Сильвер и я готовим напитки, в то время как Тил и Ким пытаются помешать своим мужьям своровать еду.

Ничто никогда не меняется. Всадники всё ещё так или иначе игривы. Они просто выросли, и с этим стали более безжалостными в отношении того, чего хотят.

Леви ушёл из футбола в прошлом сезоне, когда находился на пике карьеры. Теперь он возглавляет King Enterprise вместе с Эйденем.

Джонатан, хотя сейчас ему за пятьдесят, не позволяет им полностью контролировать ситуацию. Тем не менее, он медленно ослабляет железную хватку с каждым достижением, которое Эйден и Леви приносят к столу.

И в некотором смысле, я думаю, что его полная преданность своей жене это то, что заставляет его немного отступить в пользу молодого поколения.

Джонатан всегда будет Джонатаном с его властным характером и страшным гневом, но с тех пор, как в его жизни появилась Аврора, он перевернул новую страницу, особенно с Эйденем и Леви. Теперь кажется, что они оба уважают его, несмотря на то, как они не любили его и конфликтовали в прошлом.

Вот почему мы с Эльзой благодарим Аврору при каждом удобном случае. Она приручила льва, и мы всегда будем благодарны ей за это.

Я горжусь тем, как далеко продвинулся Леви. Он пошёл за своей футбольной мечтой, а когда понял, что его карьера продлится недолго, вернулся к семейному бизнесу. Это было не из-за вымогательства Джонатана, хотя он действительно заставил его изучать бизнес одновременно с игрой в футбол в начале.

На протяжении многих лет мой муж превращался в сосредоточенного человека, чья единственная забота его семья. Он любит меня и детей без слов. Мы постоянно находимся в центре его внимания во всём, что он делает.

Когда у меня намечается выставка, он иногда проводит весь день с детьми на улице, чтобы я могла сосредоточиться. И если им случается остаться в доме, он учит их, что их маме нужно сосредоточиться, чтобы она могла создавать шедевры. Когда Лэндон спросил, что такое шедевр, Леви ответил, что это что-то вроде него, его брата и его сестры.

Иногда он может быть чрезмерным, но в лучшем из возможных способов. Он мой сторонник номер один, и это о чём-то говорит, так как и папа, и жучок, Дэниел, борются за то, чтобы покупать мои картины, даже когда я говорю им не делать этого.

— Так, мне кое-что любопытно. — говорит Эльза Сильвер, отвлекая внимание от разговора, который она ведёт с Коулом только их глазами.

— Что? — Сильвер ставит чашки на поднос.

— Не пойми неправильно, ладно?

— Конечно. — Сильвер хмурит брови, как и я, потому что они дружат с университета.

Все знают, что они оставили прошлое позади и двинулись дальше.

— Просто мне давно было любопытно узнать об этом. — Эльза проводит ногтями по бутылке пива.

— О чём?

— Помнишь то время в школе, когда ты выложила своё селфи у бассейна Эйдена? В нижней части фотографии была рука.

Губы Сильвер растягиваются в застенчивой улыбке.

— Ах, это.

— Эйден сказал мне, что это был не он, и я ему верю. Но кто это был?

— А ты как думаешь? — Сильвер указывает на своего мужа, который сейчас держит маленькую Аву на коленях, радостно хлопая в ладоши за шахматной партией.

— Что Коул делал в бассейне Эйдена? — спрашивает Эльза.

— Он пошёл за мной. Это было примерно в то время, когда я использовала свою помолвку с Эйденем, заставляя его ревновать. Как только я дошла до бассейна, появился Коул и вроде как вышвырнул Эйдена.

— Вышвырнул? — спрашиваю я со смехом.

— Да, Коул иногда может быть сумасшедшим.

Эльза приподнимает бровь.

— Ты имеешь в виду, когда дело касается тебя.

Сильвер касается своего ожерелья с бабочкой, улыбаясь.

— Да. Я так думаю.

— Ты так думаешь? — в унисон говорим мы с Эльзой, поддразнивая её.

— Прекратите. — она высвобождается. — Не похоже, что Эйден или Леви чем-то отличаются.

— Это правда. — усмехается Эльза. — На днях Илай зашёл к нам во время... знаешь, и поскольку его прервали, Эйден усадил его и сказал, что больше нельзя пробираться на третий этаж, иначе папа очень разозлится.

— По крайней мере, Эйден дипломатичен по этому поводу. — усмехаюсь я. — Леви на самом деле заорал на Брэндона, чтобы тот убирался к чёртовой матери. В ту ночь он лишился награды «Отец Года».

— К счастью, Ава крепко спит по ночам. — Сильвер качает головой. — Она просыпается рано и делает своей миссией разбудить нас. Иметь ребёнка не шуточки.

Мы трое вздыхаем в знак согласия, прежде чем разразиться смехом.

Леви отрывается от игры, и, как обычно, время останавливается, когда я теряюсь в его серо-голубых глазах. Они как магнит притягивают к тайной части меня.

Он указывает наверх лёгким наклоном головы, и я пытаюсь сделать ему выговор, но он просто ухмыляется и продолжает наклонять голову, а затем указывает на Брэндона и Лэндона.

Я люблю этих двоих до смерти, но из-за них и их младшей сестры у нас едва хватает времени на нас. Наши единственные отсрочки это либо, когда Джонатан и Аврора забирают их, либо в таких условиях, когда они заняты игрой с другими детьми.

Поэтому я говорю девочкам, что вернусь, и веду Леви наверх.

Эйден

30 лет

Леви следует за Астрид наверх, и я качаю головой, притворяясь, что сосредоточен на шахматной партии, которую мой кузен намеренно проиграл, чтобы он мог ускользнуть.

Коул садится напротив и даёт своей малышке фигуру королевы. Она смотрит на неё с благоговением, почти как в тот первый раз, когда Джонатан усадил меня рядом с собой и научил искусству игры в шахматы. На самом деле это один из немногих спокойных моментов между отцом и сыном, которые я помню с ним.

Маленькие ручки натягивают мне брюки, и я смотрю вниз на своего племянника.

— Где мама, дядя?

Я хватаю Лэндона и сажаю его к себе на колени.

— Делает других детей.

Его сине-зелёные глаза увеличились вдвое.

— Других детей?

— Да. — я похлопываю его по спине. — Держись, приятель. Это будет дико.

Коул качает головой, глядя на меня.

— Прекрати терроризировать мальчика.

Я показываю ему средний палец за спиной Лэндона. Однако Ава видит, и, хотя я думаю, что она не понимает этого жеста, она хихикает. Я подмигиваю ей, и она смеётся ещё громче.

Лэндон указывает пальцем в её сторону.

— Другие дети, такие же, как она, дядя?

— Все верно.

— Мне нравится Ава. — усмехается он.

— Тебе не нравится.

Илай появляется, с другой стороны, от меня, и прежде, чем я успеваю ему помочь, он забирается на другое моё бедро. Он старше Лэндона и к тому же крупнее, так что он больше ни у кого не сидит на коленях. Однако он становится цепким, когда рядом другие дети. Клянусь, это отвратительное влияние Ронана. Он учит их всему своему цепкому характеру.

— Да, нравится. — Лэндон тычет в него пальцем.

Илай тычет его в ответ.

— *Нет*. Ты сказал, что она была раздражающей.

— Ты сказал это, врун.

Илай кривит губы, но молчит, затем натягивает мою рубашку.

— Папочка.

— Что? — я наклоняюсь, чтобы он мог прошептать.

— Заставь его уйти.

— Лэна?

— Да.

— Зачем?

— Мне не нравится, что он здесь.

Я улыбаюсь про себя, качая головой. Пассивно-агрессивная игра Илая сильна, несмотря на то что он маленький. Возможно, это как-то связано с тем фактом, что он единственный ребёнок.

Он перестал спрашивать о других братьях и сёстрах, как только я усадил его и сказал, что его мама не может снова забеременеть из-за болезни сердца. Доктор сказал, что мы можем попробовать и посмотреть, как все пройдёт, но я категорически против этой идеи.

То, что мы заполучили Илая, уже было чудом, и мы не собираемся жадничать по этому поводу. Эльза спросила меня на днях, достаточно ли мне Илая.

Его более чем достаточно. Он единственный ребёнок, который нам когда-либо понадобится. Даже если бы его было недостаточно, я бы никогда не стал рисковать её жизнью ради несуществующего. Её здоровье на первом месте, а всё остальное второстепенно.

Она жалуется, что я слишком строг и властен, когда дело доходит до её медицинских назначений и лекарств, но это потому, что мысль о том, что с ней что-то случится, пугает меня до чёртиков.

Она моя уже двенадцать лет. Мы женаты уже одиннадцать лет, и иногда я просыпаюсь и думаю, что вернулся в то время, когда думал, что потерял её в том подвале.

Иногда я просыпаюсь с образами крови, пачкающей её грудь и волосы, и её неподвижного тела в моем мозгу.

Это воспоминание будет преследовать меня всю жизнь. Тот факт, что я потерял её после того, как сбежал из этого проклятого подвала, всё ещё причиняет боль больше, чем мне хотелось бы признать.

Так что, да, я думаю, что имею право быть настолько властным, насколько это возможно, потому что её благополучие важнее всего остального.

Говоря о прекрасном ангеле, она несёт напитки к нам и ставит их рядом с шахматной доской. Лэндон спрыгивает, чтобы схватить колу.

Эльза стоит рядом с Илаем и гладит его по волосам. Когда она говорит с ним, её голос мягкий, приветливый, будто она поёт ему колыбельную.

— Что ты хочешь, милый?

— Ничего.

— Разве? Хочешь что-нибудь еще с кухни?

— Он может взять сам.

Я притягиваю её так, чтобы она оказалась рядом со мной, и нет, я не ревную к собственному сыну. Дело в том, что она слишком сильно любит его, и это превратит его в маменькиного сынка, как Ронана, а этого я не допущу.

Я толкаю его вниз по своей ноге.

— Иди, иди.

Он ещё раз пристально смотрит на Лэндона, прежде чем направиться в сторону Брэндона.

— Я буду сок, мамочка.

Она начинает идти за ним, но я удерживаю её за талию, моя голова касается её платья.

— Эйден...

Когда она пытается сопротивляться, это только заставляет меня крепче прижимать её к себе.

— Он может сам о себе позаботиться. — я делаю паузу. — На самом деле, я почти уверен, что Джонатан и Аврора скучают по нему, так что он должен провести выходные с ними.

— Прекрати отсылать нашего сына при любой возможности.

Я касаюсь зубами её бока, и, хотя я отделен от её кожи тканью, она вздрагивает, когда я бормочу.

— Нет.

Она смотрит на меня сверху вниз с неприкрытой похотью, от которой мой член становится чертовски твёрдым. Я никогда не забуду, как она смотрит на меня, как сияют её голубые глаза и как она говорит без слов, говоря мне взять её, владеть ею. Сделать её полностью моей.

Не имеет значения, как долго мы вместе. Не имеет значения, что она спит в моих объятиях каждую ночь и просыпается, обнимая меня.

Даже будучи стариком, я никогда не смогу насытиться этой девушкой. Никогда не смогу насытиться той яркостью, которую она привносит в мою жизнь. Она успокоение для моей бури. Свет в моей тьме. И ничего из этого я не принимаю как должное. Я боготворю её каждый день, чтобы она знала, как я чертовски благодарен за то, что нашёл её снова.

За то, что она у меня есть.

За то, что вдыхаю её каждую ночь.

За то, что вижу её лицо каждое утро.

— Комнаты наверху. — скучающий голос Коула прерывает нашу связь.

— А дверь как раз там. — я показываю ему средний палец.

Эльза краснеет, прежде чем выскользывает из-под моего прикосновения и поднимает Аву, которая изо всех сил пытается дотянуться до пола.

— Это неправда! — Ронан отталкивает Ксана, когда они двое, их жены и Сильвер присоединяются к нам.

— Что на этот раз? — Коул тянет Сильвер за руку, и она падает к нему на колени.

Этот грёбанный лицемер указывал мне на комнаты.

— Ксан говорил, что он первый и последний у Кимми, когда я на самом деле встречался с ней в первый раз.

— Нет, ты не встречался. — Ксандер толкает его локтем.

— *Mais oui — Ну да.* Помнишь то свидание в мамином любимом ресторане, Кимми?

— Любимый ресторан твоей мамы, да? — Тил скрещивает руки на груди, глядя на мужа сверху вниз, хотя он намного выше её.

Он быстро отступает, держа её за руки.

— Ты знаешь, что я не это имел в виду, *ma belle — моя красавица.* Ксан был придурком в то время — больше, чем обычно, я имею в виду, — и я всего лишь был обычным Очаровательным Принцем. Это не я, это мои гены.

— Заткнись, Рон. — Ксандер снова толкает его локтем и поднимает Сесилию с пола.

Она уютно устраивается в его объятиях, игнорируя всех остальных. Ксандер чувствует себя самодовольным всякий раз, когда мы говорим ему, что она папина дочка.

— Эй, Реми. — зовёт Ронан своего сына, и тот подбегает, прыгая в объятия отца. — Скажи своей маме, кто любит её больше всего на свете.

— Папа и Реми.

— Верно.

Ронан стучается с ним кулаком.

— И дядя Нокс!

— И твой дядя Нокс, когда он не вляпывается в неприятности.

— Мой брат не попадает в неприятности. — Тил сразу переходит к обороне.

— Он вроде как делает это. — говорит моя жена. — Хотя это не всегда его вина.

— Спасибо тебе! — Тил сжимает плечо Эльзы.

— Ты хорошо поработал и позже будешь вознаграждён Ларсом. —

Ронан ставит сына на ноги. — Иди, мой заместитель.

Реми выпрямляется и отдаёт честь.

— Да, сэр.

Все смеются, когда он бежит на полной скорости и врезается в Брэндона и Илая.

Все, кроме меня, потому что я обдумываю способ похитить Эльзу отсюда и оставить её в полном своём распоряжении.

После того, как Илай заснёт.

Я достаю телефон и отправляю Джонатану электронное письмо, потому что он не любит смс. Обычно я бы специально написал ему, но он нужен мне для выполнения обязанностей дедушки в эти выходные.

Прошло уже некоторое время с тех пор, как остров Джонатана принадлежал только мне и моей жене.

От: *Эйден Кинг*

Кому: *Джонатан Кинг*

Тема: *Разве Ты Не Скучаешь По Своему Внуку?*

Я привезу его в эти выходные.

От: *Джонатан Кинг*

Кому: *Эйден Кинг*

Тема: *Разве Ты Не Скучаешь По Своему Внуку?*

Нет.

Он, вероятно, сам планирует отправиться на остров с моей мачехой, и может стать чертовски жёстким, когда время касается её.

Я ухмыляюсь, печатая.

От: *Эйден Кинг*

Кому: *Джонатан Кинг*

Тема: *Разве Ты Не Скучаешь По Своему Внуку?*

У тебя был свой шанс. Я звоню Авроре.

От: *Джонатан Кинг*

Кому: *Эйден Кинг*

Тема: *Разве Ты Не Скучаешь По Своему Внуку?*

Нет.

Я нахожу номер Авроры и пишу ей.

Эйден: *Эльзе нужно время, чтобы расслабиться. Ты можешь забрать Илая на эти выходные?*

Её ответ последовал незамедлительно.

Аврора: *Безусловно! Я скучаю по его личику.*

Моя ухмылка становится шире, когда я возвращаюсь к разговору с отцом.

От: *Эйден Кинг*

Кому: *Джонатан Кинг*

Тема: *Разве Ты Не Скучаешь По Своему Внуку?*

Уже сделано.

— Что ты замышляешь? — тихий голос шепчет справа от меня, когда я засовываю телефон в карман.

Эльза смотрит на меня слегка прищуренными глазами, будто она точно знает, что я сделал.

— Просто некоторые переговоры с Джонатаном.

Она поднимает бровь.

— Просто Джонатан?

— Я мог бы положиться на Аврору.

— Эйден! — она хватает меня за плечо. — Прекрати использовать её против своего отца.

— Я не использую её. Это взаимовыгодно. Не моя проблема, что Джонатан не видит этого таким образом.

Она хихикает себе под нос.

— Ты ужасен.

— Но ты всё ещё любишь меня?

Её губы касаются моей щеки, когда она шепчет.

— Когда я вообще останавливалась?

— Я никогда не переставал любить тебя с того дня, как впервые увидел тебя, когда мы были еще детьми, милая.

Кимберли

Я дёргаю Ксандера за бицепс.

— Отпусти Сесили, чтобы она могла поиграть с другими детьми.

— Ты имеешь в виду, чтобы они причинили ей боль? — он щекочет ей животик. — Не то, чтобы я позволил бы кому-нибудь обидеть мою маленькую Сесили.

Она раздражается хихиканьем, на её щеках появляются ямочки, когда она изо всех сил прижимается к нему.

— Папочка!

Я качаю головой, забираю её из его рук и ставлю на ноги. Она немного пошатывается, прежде чем броситься бежать к остальным. Он делает её такой избалованной, это совсем другой уровень.

— Зачем ты это сделала? — он хмурится, провожая её взглядом, когда она стоит рядом с Реми, держась за него, как держалась за своего папу.

Я разглаживаю складку на его рубашке на плече, и да, это может быть просто предлогом прикоснуться к нему. По правде говоря, я не могу перестать прикасаться к Ксандеру. Ну и что с того, что мы женаты уже девять лет? В его присутствии я чувствую себя маленькой девочкой, которая пробралась в его дом, чтобы поспать рядом.

— Ты, Кир, папа и Льюис превращаете её в избалованную маленькую принцессу.

— Какой она и должна быть. — он усмехается, показывая свои собственные ямочки, когда ладонями обхватывает мои щёки. — Не нужно ревновать, Грин. Если хочешь внимания, всё, что тебе нужно сделать, это попросить. На самом деле, вычеркни это. Я бы уделил тебе внимание и без твоих просьб. — его губы встречаются с моими, и я отстраняюсь, прежде чем он углубит поцелуй на глазах у всех.

— Это не то, что я имела в виду.

— Да, верно.

— Однажды ты вернёшься к моим словам, а к тому времени будет уже слишком поздно.

— Никогда не будет слишком поздно, потому что Сесилия не оставит меня. Кстати, Кир согласен.

Я вздыхаю, думая о своём младшем брате. Хотя ему двадцать, и он сейчас учится в университете, так что он уже не совсем ребёнок.

Губы Ксана касаются моего виска.

— Ты скучаешь по нему?

Небольшой период молчания это всё, что ему нужно, чтобы понять, что что-то не так. Ксан единственный человек на этой планете, который может читать меня лучше, чем кто-либо другой. Точно так же, как у меня есть способность читать его.

Положив голову ему на плечо, я вздыхаю.

— Да. Как думаешь, он выгонит меня, если я приеду в гости?

— Ты видела его в прошлые выходные, Грин. И ты говоришь, что я балую Сесилию. Посмотри на себя с Киrom.

— Я волнуюсь.

— Он взрослый парень. Оставь его в покое.

— Хорошо. Думаю, съезжу в гости в следующие выходные.

Он смеётся.

— Ты такая чертовски очаровательная.

Я обнимаю его, когда мы снова присоединяемся к нашему кругу друзей. Мы так далеко продвинулись за двенадцать лет, прошедших с тех пор, как закончили Королевскую Элитную Школу.

Мои демоны остались в прошлом, и, хотя шрамы никогда не исчезали, они исчезли, и теперь я могу нормально дышать. Иногда я задаюсь вопросом, что бы случилось, если бы я осталась в этой чёрной дыре. В других случаях я полностью забываю о «что, если» и остаюсь в настоящем.

Я бы не зашла так далеко, если бы этот мужчина не держался за меня так, словно я его мир.

Я последовала своей мечте и стала социологом, способным помочь детям, которые похожи на меня когда-то. Дети, подвергшиеся психическому или физическому насилию. Дети, которые нуждаются в помощи, но не знают, как её попросить.

Это моё лучшее достижение в жизни, если не считать избалованной маленькой принцессы Сесилии и красавца мужа, который превращает мои ночи в самые дикие американские горки.

Ксандер и Ронан создали своего рода партнёрство, как Эйден, Леви и Коул. Тил и Сильвер тоже пошли по стопам мужей и выбрали бизнес.

Эльза архитектор, которая больше сосредоточена на инженерной фирме своих тёти и дяди, а не на корпорации отца. Астрид медленно превращается в известного художника, которого мы все с гордостью можем сказать, что знаем на личном уровне.

Все мы прошли долгий путь, но в такие моменты, как этот, кажется, что время может остановиться. Как будто мы можем быть вечно молодыми.

Мои глаза встречаются с глазами Сильвер, когда она садится на колени Коула, и мы обе понимающе улыбаемся. Если она скажет ему то, что сказала мне раньше, то Коул будет счастливым человеком сегодня — больше, чем обычно, я имею в виду.

Это безумие думать, что мы с Сильвер были врагами в школе. Теперь она снова моя лучшая подруга, вместе с Эльзой.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы забыть, как она обращалась со мной раньше, но, выслушав её доводы и извинения, я не могла держать на неё зла. Ксан говорит, что я легко прощаю, и ему в этом повезло; однако, по правде говоря, мне не нравится цепляться за плохое. Это дерьмо гноится внутри и разрушает тебя.

Кроме того, у нас с Сильвер всегда была связь, с тех пор как мы были маленькими девочками. Мы просто развили это и продолжили с того места, на котором остановились. Вроде как Ксан и я.

У меня защемило сердце, когда я услышала о том, через что она прошла, от давления до ложной тревоги из-за беременности и сталкера.

Она из тех, кто прячет всё внутри и пытается заботиться обо всех издалека, даже если это выставляет её в негативном свете.

Теперь, когда мы вернулись в жизни друг друга, мы создали связь, которая, как я думала, никогда не будет возможна и через миллион лет.

— Я поеду с тобой.

Слова Ксана и его поцелуй в макушку выводят меня из задумчивости.

— Поедешь со мной куда?

— К Киру. Ты всё ещё думаешь о нём, не так ли? И если он пожалуется тебе на то, как часто ты его навещаешь, я его ударю.

— Эй, не бей моего младшего брата.

— Я ударю любого, кто причинит тебе боль. Включая Кира.

— Он и твой сводный брат тоже. — шепчу я.

— Это не даёт ему прав.

Я хихикаю, прислоняясь головой к его груди.

— Ты невозможен.

— Для тебя, Грин. Только для тебя.

Только для меня.

Я могу умереть счастливой девушкой прямо здесь и сейчас.

Тил

Мы вчетвером оставляем детей с их отцами, а сами садимся выпить. Астрид и Леви всё ещё отсутствуют, так что остались только Эльза, Ким, Сильвер и я.

У Эйдена на коленях и Лэндон, и Брэндон. Илай отказывается присоединиться, так как он «большой мальчик».

Сесилия держится за отца так, словно от этого зависит её жизнь. Маленькая Ава продолжает играть с галстуком Коула и хихикать всякий раз, когда он щекочет её.

Реми небрежно перекинут через плечо Ронана. Клянусь, у этих двоих самые холодные отношения между отцом и сыном на свете. Как будто они друзья, во что не так уж трудно поверить, учитывая, что Ронан вечно молод.

Неважно, сколько ему лет, он по-прежнему является душой каждого собрания, и прямо сейчас он замышляет игру, чтобы занять детей. Есть причина, по которой Ронан любимый дядя каждого ребёнка.

Наш Реми тоже спокойно относится к этому. Я думала, он будет ревновать, что другие дети будут отнимать время у его отца, но он сказал: «Нет, мама. Это значит, что папа самый лучший».

Как будто он его напарник.

Моё сердце всегда трепещет, когда я вижу их вместе. Двое моих людей. Кто знал, что настанет день, когда я стану женой и матерью, и не только это, но и у меня будет лучшая семья на свете.

У меня есть муж, который будит меня ежедневно, уткнувшись головой мне между ног, чтобы «расслабить меня», и сын, который учится у своего отца приносить мне завтрак в постель.

Для того, у кого почти не было семьи, иметь Ронана и Реми кажется вечной мечтой.

Та, от которого я никогда не хочу просыпаться.

— Прекрати. — голос Сильвер возвращает меня в настоящее.

Она толкает локтем Ким, которая продолжает смеяться себе под нос, в то время как Сильвер краснеет.

— Что происходит? — спрашивает Эльза.

— Ничего. — Ким снова прячет смех.

— Она дразнила меня. — Сильвер прищуривается, глядя на свою подругу детства.

— Я только говорила правду о том, как Коул усадил тебя к себе на колени раньше.

— Да, верно. Как будто Ксан не делает то же самое. — Сильвер игриво подталкивает её локтем, и они обе раздражаются смехом.

— Вам, девочки, повезло, что вы знали своих мужей с детства. — Эльза вздыхает, делая глоток мартини.

— Ты тоже познакомилась с Эйденом, когда была маленькой. — говорит Ким.

— Да, но я не жила с ним, как вы, девочки.

— Тебе повезло, что не жила. — Сильвер вздыхает. — Он был придурком с юных лет. И Коул тоже. Ким здесь единственная настоящая счастливица, потому что Ксан был как кольцо у неё на пальце с тех пор, как они были в подгузниках.

Лицо Ким вспыхивает.

— Это неправда.

— Правда. Он всегда заступался за тебя и даже бил Коула и Эйдена, когда они тебя беспокоили.

— Ну, я предполагала.

— Ты предполагала? — Сильвер нападает на щекотливую сторону Ким, пока они оба не начинают хихикать.

— Намотай на ус, хорошо? — Эльза отрывает от них взгляд и фокусируется на мне. — Как насчёт тебя, Тил? Разве ты не жалеешь, что не встретила Ронана, когда он был молодым?

— Нет. Не совсем. Я верю, что мы встретились в нужное время. Ещё немного раньше, и всё было бы кончено, понимаешь? — мой взгляд автоматически находит его, и он подмигивает.

Я улыбаюсь в ответ, чувствуя, как в груди взрываются всевозможные фейерверки.

Я хочу его для себя.

Как бы мне ни нравилось встречаться с девочками и видеть, как все дети играют друг с другом, я на самом деле эгоистична по отношению к Рону и даже Реми.

Я хочу, чтобы время моего мужа было для меня. Я хочу спать в его объятиях, и чтобы он говорил со мной по-французски.

Думаю, пора возвращаться домой.

Сильвер

— Позвони мне потом, хорошо? — Ким сжимает меня в объятиях.

— Хорошо. — я целую её в щёку. — Поцелуй Сесили от меня.

— Ты так говоришь, будто она проводит со мной время, когда её папа рядом.

Я улыбаюсь, когда машу ей, затем Тил и Ронану, которые уезжают из Meet Up.

Эйден уехал с Эльзой, Илаем и мальчиками-близнецами Астрид, потому что их родители всё ещё в розыске.

Коул пристёгивает спящую Аву к детскому сиденью на заднем сиденье машины и целует её в очаровательную щеку.

— Папочка... — бормочет она во сне. — Мамочка...

Улыбка скользит по моим губам, когда Коул целует её в лобик, прежде чем присоединиться ко мне. Я бросаю мимолётный взгляд на сообщения, затем кладу телефон в сумку.

Пристегнув ремень безопасности, Коул проверяет мой. Это вошло у него в привычку. Заботливость этого человека не знает границ. В каком-то смысле я пристрастилась к этому, и не могу представить свою жизнь без его чрезмерной защиты. Всякий раз, когда мы с ним, я полностью расслабляюсь, потому что знаю, что моя малышка и я в полной безопасности в его компании.

Он кладёт руку мне на бедро — как обычно — пока выводит машину с Meet Up.

На мгновение я теряюсь, наблюдая за его боковым профилем и тем, как он вырос в этого абсолютно аппетитного мужчину. Не то чтобы он когда-то был молодым. Коул был взрослым с тех пор, как был ребёнком. Но сейчас ему за тридцать, как никому другому. Его телосложение сохранило свои

худощавые качества, но он излучает смертельный тип спокойствия, который можно увидеть по тёмно-зелёным глазам.

Просто видя его, я постоянно испытываю желание трахаться, прикоснуться или что-то ещё, что включает в себя его кожу на моей. Не то чтобы Коул позволял мне ждать. Обычно он сам все начинает. Как сейчас.

Его пальцы продолжают ползти под моим платьем, а мои ноги раздвигаются по собственной воле под его руководством.

— Мама написала. — говорю я небрежно, притворяясь, что он не собирается доводить меня пальцем до оргазма.

— Да? — говорит он своим обычным спокойным тоном, даже когда двигает пальцами вверх.

— Они с папой хотят взять Аву на выходные.

— Скажи им, что никто не заберёт мою дочь.

— Они её не заберут. Она их внучка.

— А мы её родители, Бабочка. Мы ждали её больше, чем они.

Это правда. Тем не менее, он так привязан к ней, что папа и мама едва ли оставляют её на ночь. Теперь они стали старше и «нуждаются во внуке», как постоянно напоминает мне мама.

— Ты горячая. — Коул на долю секунды отрывает взгляд от дороги, чтобы сосредоточиться на мне.

— Я знаю это. — я всё ещё краснею.

Возможно, мы женаты два года и полностью публичны гораздо дольше, но Коулу всё ещё удаётся вывести маленькую девочку из меня.

Девочку, которая шпионила за ним, когда он не смотрел.

Девочку, которая наблюдала за ним, пока он наблюдал за всем остальным, и не обращала внимания, когда он наблюдал за ней.

— Нет. — он убирает руку у меня между ног и кладёт её мне на лоб. — У тебя жар. Ты что-нибудь выпила?

— Нет.

— Тогда в чём дело?

— Я... давай сначала доедем до дома.

— Скажи мне, Сильвер.

— У меня запланирован целый вечер.

Он прищуривается, глядя на меня.

— Целый вечер для чего?

Волна тошноты накатывает на меня ни с того ни с сего, и я хватаюсь за рот.

— Останови машину.

Он делает это, и я открываю дверь, вылетаю и падаю на обочину дороги.

Коул присоединяется ко мне через секунду, держит меня за волосы и гладит по спине. Эта сцена так похожа на то, что было в прошлый раз.

— Сильвер... — Коул держит меня за плечи, когда я заканчиваю. — Ты что...

Чёрт. Я действительно запланировала для этого вечер, и даже заставила Ким помочь мне выбрать свечи и всё такое, но теперь у меня нет выбора.

Я беру его руку и кладу себе на живот, кивая.

— Ты беременна? — спрашивает он, удивлённо расширяя глаза.

— Да. Я узнала об этом сегодня утром и запланировала романтическую ночь, чтобы отпраздновать. Теперь всё испорчено.

— Кто сказал, что всё испорчено? — он прижимает меня к себе, целует в нос. — Мы будем праздновать до утра, если ты этого хочешь. Спасибо тебе за то, что ты моя, Бабочка.

— Коул...

Он с улыбкой вытирает мои слёзы, и я стону.

— Глупые гормоны. Теперь они превратят нашу жизнь в ад, как тогда, когда мы ждали Аву.

— Мне наплевать на это. Пока ты здорова, я позабочусь о гормонах.

Я прикусываю нижнюю губу.

— Позаботишься?

— О, блядь, да. — он несёт меня на руках, как невесту, и я визжу, а потом смеюсь, когда он ведёт меня к машине.

Коул не ждёт, пока мы вернёмся домой.

Мужской групповой чат

Ронан: *Чрезвычайная ситуация.*

Ронан: *Я сказал, чрезвычайная ситуация, ублюдки.*

Коул: *Что на этот раз? Снова добавляешь сок в молоко своему ребёнку?*

Ксандер: *Или испортил рабочее место Тил, и она придёт за твоей задницей с топором?*

Эйден: *Реми нужно стать старше, чтобы он мог снять это дерьмо и отправить его.*

Ронан: *Premièrement — Во-первых, мой Реми никогда бы меня не предал. Deuxièmement — Во-вторых, идите вы все нахуй. Finalement — Наконец, это не ваша предыдущая чушь. Я не знаю, что подарить Тил на нашу годовщину. Я водил её повсюду, и ей не нравится материальное дерьмо. Дайте мне вдохновение.*

Ксандер: *В прошлую годовщину я купил Грин участок земли, на котором она может построить новый детский центр. Лучшее решение на свете. И лучший секс за всю ту ночь.*

Ронан: *Тил не нужен кусок земли. Проклятье.*

Эйден: *Купи ей драгоценности. Что-то, что она может носить всё время.*

Ронан: *Она не любит драгоценности. Как насчёт тебя, Коул? Что ты подарил Сильвер на свою последнюю годовщину?*

Коул: *Почти уверен, что ребёнка.*

Ксандер: **громко смеющийся смайлик**

Эйден: *Ты обрюхатил её ради развлечения, Нэш?*

Коул: *Ты из всех людей должен заткнуться, Кинг.*

Эйден: *Сначала она была моей невестой.*

Коул: *Точно так же, как Рон был первым женихом Эльзы, а Ксан был её парнем.*

Ксандер: *#Горит.*

Ронан: *Эй, ублюдки. Я. Обратите на меня внимание. Я тот, кто позвал вас. Кстати, где Леви?*

Леви: *Тут. Мне плевать.*

Ксандер: *Не думал о том, чтобы спросить Нокса? Он должен знать, чего хотела бы его сестра.*

Ронан: *Джсекпот! Тебя повысили до моего лучшего друга, Ксан. Я повешу награду завтра в твоём кабинете.*

Ксандер: *Нет, спасибо.*

ОДИН ДЕНЬ СПУСТЯ

Коул: *Как все прошло, Рон?*

Ксандер: *Он пропал без вести на целый день. Думаете, он мёртв? Должны ли мы подать заявление о пропаже человека?*

Эйден: *Чёрт. Должен был быть кто-то, кто снимал всю сцену убийства.*

Ронан: *Я здесь. Я не мёртв, но вы все будете мертвы, когда я увижу вас в следующий раз. И нет, места убийства не было.*

Ксандер: *И? Что случилось? С каких это пор тебе нравится неизвестность?*

Ронан: *Я не слышу тебя из-за ореола, затуманивающего мою голову. Отвали.*

Коул: *Полагаю, это означает, что все прошло хорошо?*

Ронан: *Ну? Попробуй фантастически, попробуй... авантюрно.*

Эйден: *Втроём?*

Ронан: *Пошёл нахуй, Кинг. Я бы не стал делиться своей Тил, даже если бы мне предложили весь мир.*

Коул: *La Débauche?*

Ронан: *Динь, динь, динь. Одно слово, ублюдки. Вам нужны годы, чтобы достичь моего уровня.*

Ронан: *Время для второго раунда.*

Эйден: *Как вы понимаете, изменяет ли вам ваша жена?*

Коул: *Полегче. Ты не узнаешь.*

Ксандер: *Эльза тебе изменяет?*

Ронан: *Поддержите моё грёбаное пиво. Это дерьмо интересное. Это я? Она произносила моё имя во сне? Я знал, что она никак не могла забыть меня.*

Ксандер: *И меня. Я знаю, что мне следовало бы извиниться, но я вроде как не сожалею.*

Эйден: *Заткнитесь нахуй, вы оба.*

Коул: *Что случилось?*

Эйден: *Она проводит с ним больше времени, чем со мной.*

Ксандер: *Это плохо.*

Эйден: *И она игнорирует меня, когда он рядом.*

Ронан: *Пусть он покоится с миром. То есть, если ты его ещё не убил.*

Эйден: *В том-то и дело. Я не могу убить его.*

Ксандер: *Почему не можешь? Я бы сделал это в мгновение ока, если бы кто-нибудь занял время Ким.*

Ронан: *Кто это? Мы сделаем это за тебя. Ларс научился прятать тела.*

Коул: *Это Илай.*

Ксандер: *ЧТО? Ты ревнуешь к своему собственному чертовому сыну, Кинг?*

Эйден: *Он отнимает у неё время и ведёт себя немного дерьмово, корча мне рожу за её спиной.*

Коул: *Теперь я ненавижу его немного меньше.*

Эйден: *За что, чёрт возьми, ты его ненавидишь? Что не так с моим сыном?*

Коул: *Тот факт, что он твой сын. И что он продолжает бродить вокруг моей Авы, как тень. Я серьёзно, я переломаю ему ноги, прежде чем он приблизится к ней.*

Ронан: *Хотя он мне нравится. Если бы у меня была дочь, я бы обязательно отдал её ему. Кстати говоря, Ксан, ты всё ещё не передумал насчёт Сесилии для Реми?*

Ксандер: *Пошёл ты, Рон. Моя Сесилия не будет принадлежать никому, кроме нас.*

Ронан: *Твоя потеря, топ ами — мой друг. Там есть Глин и Ава, и они будут драться из-за моего Рема.*

Коул: *Оставь мою дочь в покое, или пожалеешь об этом, Рон.*

Леви: *Представь предложение с выгодными условиями, и я, возможно, подумаю о том, чтобы отдать Глин.*

Ронан: *Теперь мы поговорим. Позволь мне рассказать Реми новости. Он должен быть в норме с этим, так как я научил его держать свои возможности открытыми.*

Ронан: *Кто, блядь, украл мою заначку с травкой?*

Ксандер: *У тебя была заначка с травкой, и ты нам не сказал?*

Леви: *Почему ты думаешь, что это один из нас?*

Ронан: *Потому что она была тут прошлой ночью, когда у нас был День Отца с детьми, пока девочки ходили по магазинам. И, кстати, я ненавижу День Отца. Мне не нравится, что Тил там одна.*

Коул: *Технически, она была не одна.*

Эйден: *Говорит тот, кто одержимо проверял свою жену.*

Ксандер: *Говорит тот, кто на самом деле забрал своего сына и пошёл за своей женой.*

Леви: *Говорит тот, кто предложил нам всем сделать то же самое.*

Ронан: *В итоге, День Отца отстой. Вот почему мне нужна травка. Мы должны что-то сделать, чтобы помешать им выходить на улицу в одиночку.*

Ксандер: *Нет. Грин говорит, что им нужно побыть наедине с нами и детьми.*

Ронан: *Вдали от нас?*

Леви: *Нас? То есть, ВСЕХ НАС?*

Ксандер: *Я знаю, ладно? Я не думал, что Кимми когда-нибудь захочет провести время вдали от меня.*

Эйден: *Ты тот, от кого всем нужно отдохнуть. И Астор. И Нэш тоже. Леви, иногда. Я единственный, от кого Эльзе не нужно уходить.*

Коул: *Так вот почему она спряталась, когда ты пошёл её искать?*

Эйден: *Это потому, что она что-то примеряла и приберегла это как сюрприз. Говори за себя. Сильвер обняла Аву, а не тебя.*

Коул: *Это гормоны, идиот. Она пытается контролировать их на публике.*

Эйден: *Ага, верно.*

Ксандер: **громко смеющийся смайлик**

Леви: **громко смеющийся смайлик**

Ронан: **громко смеющийся смайлик* А теперь вернёмся к моей травке. Кто прикасался к ней?*

Ксандер: *Где ты её спрятал?*

Ронан: *Как ты думаешь, где? Под цветочным горшком. Я купил хорошие вещи и спрятал их от Тил, потому что ей не нравится, как они пахнут в доме. Я много потратил на эту заначку и получил её из-за границы. Это мой еженедельный перерыв.*

Коул: *Как жаль, что это пошло насмарку.*

Ронан: *Ты, блядь..*

Ксандер: *Ой-ой.*

Коул: *Помнишь, как ты сжёг книгу, на которую я потратил столько времени и сил, чтобы получить её из-за границы? Что ж, расплата сука.*

Ронан: *Connard — Мудак!*

Эйден: *Как я всегда говорю, и никто мне не верит, Коул мелкая маленькая сучка.*

Женский групповой чат

Кимберли: *Могу ли я сказать, что я так рада, что мы решили завести свой собственный групповой чат? Мужчины не единственные, у кого он должен быть.*

Астрид: *На днях я случайно заглянула в телефон Леви, и всё, что они там делают, это дерутся.*

Сильвер: *Коул говорит, что он там просто потому, что Ронан обычно выставляет себя дураком.*

Тил: *У Коула будет разговор со мной.*

Сильвер: *Упс.*

Эльза: *С нами даже Аврора.*

Астрид: *Но Джонатана нет с мужчинами в групповом чате.*

Аврора: *Джонатан не пишет смс. Он пользуется только электронной почтой. В этом смысле он сноб.*

Сильвер: *Представьте, если бы он был там, все же. И с Эйденем, и с Леви.*

Кимберли: **дрожащий смайлик**

Астрид: *Мы уже получаем это на семейных ужинах. Этого более чем достаточно.*

Аврора: *Аминь этому.*

Тил: *Я думаю, это было бы весело.*

Эльза: *Ты только что назвала это веселым?*

Тил: *Да, я имею в виду, что они все часть одной семьи. Ещё веселее, когда Джонатан встречается с папой и Агнусом.*

Эльза: *Скорее хаотичнее.*

Аврора: *Нет. Это больше, чем просто *подмигивающий смайлик**

Астрид: *Что ты имеешь в виду?*

Аврора: Ну, теперь, когда Джонатан и Итан снова стали настоящими друзьями, Агнусу, похоже, это не нравится.

Эльза: Агнусу никто не нравится.

Тил: Эй! Это неправда.

Эльза: Тил, милая, я знаю, что Агнус вырастил тебя и Нокса, но он всё ещё псих.

Тил: Это не так. Под всем этим у него есть сердце. Ты просто отказываешься это видеть.

Кимберли: Ой-ой. Рон не будет счастлив, если узнает, что ты защищаешь Агнуса.

Тил: Ты думаешь?

Аврора: Дело в том, что всё это между Джонатаном, Итаном и Агнусом намного больше, чем вы, девочки, думаете. Вот увидите.

Тил: Ронан жаловался на День Отца раньше и сделал Реми табличку с надписью: «Петиция об отмене Дня Отца», подписанную всеми остальными детьми.

Кимберли: Кроме Сесилии, потому что ей слишком нравится этот день, чтобы даже думать о его отмене.

Астрид: Они будут жить.

Эльза: Они просто короли драмы. Обычно дети всё время с нами. Они не умрут, если будут с ними раз в неделю.

Сильвер: Речь идёт не столько о детях, сколько о нас самих. Им не нравится, что мы выходим одни.

Кимберли: Коул так сказал?

Сильвер: *Ему и не нужно. Я чувствую это и без того, чтобы ему нужно говорить хоть слово. Кроме того, на днях он ворчал по этому поводу папочке.*

Аврора: *Честно говоря, им придётся смириться.*

Астрид: *Ты из тех, кто умеет говорить. Джонатан посылает за тобой своих телохранителей, если ты не отвечаешь на его звонки.*

Аврора: *Но я не иду с ними. Он мой муж, а не сторож. В конце концов, он привыкнет.*

Эльза: *Прошло больше десяти лет, Аврора. Не думаю, что Джонатан когда-нибудь привыкнет.*

Аврора: *Ну, я тоже не буду.*

Кимберли: *Хотя мне стыдно за то, что я оставила Ксана и Сесили одних.*

Сильвер: *Перестань быть мягкотелой, Ким. Это именно их цель. Они хотят, чтобы мы почувствовали себя виноватыми и отменили всё это.*

Астрид: *Чего не произойдёт, верно? Мне нравится быть свободной от мужа и ребёнка.*

Тил: *Мы не будем кланяться.*

Эльза: *Не сейчас. Никогда.*

Эльза: *Илай спросил меня сегодня, сколько времени мне понадобилось, чтобы выйти замуж за его папу.*

Кимберли: *Сесилия спросила, где она может найти кого-то, похожего на её папу *смеющийся смайлик**

Астрид: *Брэн и Лэн только спрашивают, какого чёрта у нас Глин. Они думают, что она избалована и никому не нужна. Они называли свою сестру ненужной.*

Тил: *А ещё есть Реми, который все время спрашивает, вышел ли он из меня, как детёныш из львицы, которую мы смотрели в документальном фильме. Он поспорил об этом с Ронаном и не разговаривал с ним целый час, думая, что его отец причинил мне боль.*

Аврора: *Он такой милый.*

Сильвер: *Ава почти не разговаривает, и всякий раз, когда она это делает, она зовёт своего папу по имени. Боюсь, что она будет ревновать, как только родится ребёнок.*

Кимберли: *С ней всё будет в порядке. Я почти уверена, что она будет любить свою младшую сестру или брата. Кроме того, как думаешь, Коул вообще позволит ей ревновать?*

Астрид: *Она права. Илай не ревновал Лэна и Брэна, когда они родились.*

Аврора: *Это потому, что он уже был до чёртиков избалован всеми нами.*

Эльза: *Илай странный в эти дни. Он всегда держится за Эйдена и спрашивает его, есть ли способ заключить брачный договор.*

Тил: *Что он вообще имеет в виду под брачным договором?*

Эльза: *Понятия не имею, но, похоже, мой маленький мальчик торопится.*

Сильвер: *Что сказал Эйден?*

Эльза: *А ты как думаешь? Он поддерживает его на каждом шагу и сказал, что даже позаботится о своём дяде Коуле, если понадобится.*

Сильвер: *Ой-ой. Я думаю, что знаю, к чему это приведёт.*

Эльза: *Я тоже. Это будет некрасиво.*

Тил: *Но будет весело.*

Конец

